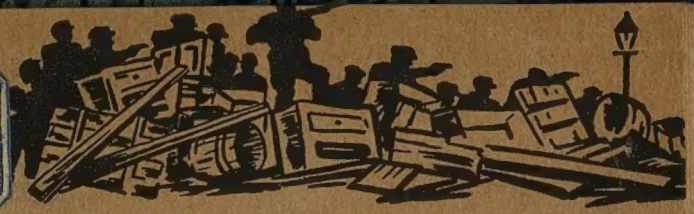
ДБ
430
А67

Анисимов С.
"Восстание в Донецком бассейне"
М., 1929

Д 6430
А 67



НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕ

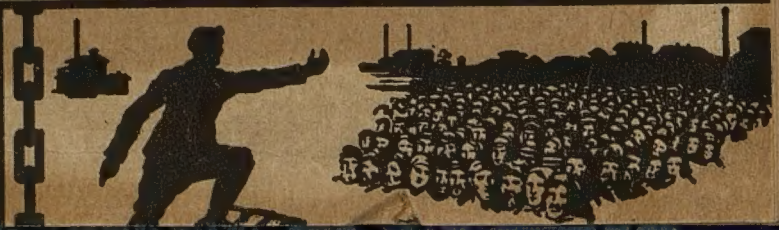
Каб. Лит

СЕРГЕЙ АНИСИМОВ

ПОЛАЩЕНО
7059/2 1948
852/3

ВОССТАНИЕ В ДОНЕЦКОМ БАССЕЙНЕ

ИЗД-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН МОСКВ



ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

	22948/71059			

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВСЕСОЮЗНОГО
ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН

55
30
-64

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПО ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ
В ОЧЕРКАХ, ВОСПОМИНАНИЯХ И БИОГРАФИЯХ
ЖУРНАЛА „КАТОРГА и ССЫЛКА"

1929 г.

№ 9
947.09
Н67

СЕРГЕЙ АНИСИМОВ

ВОССТАНИЕ В ДОНЕЦКОМ БАССЕЙНЕ

К/059/22948
КГВ. 1935
ПОГАШЕНО
852/3

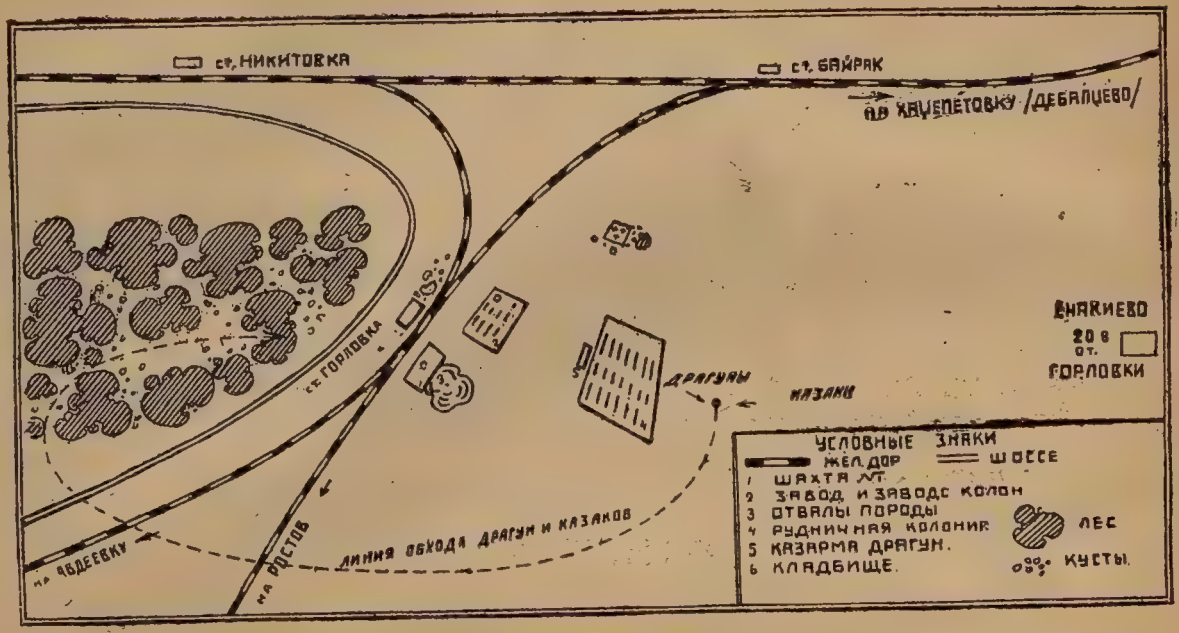
ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
Москва — 1929

4экз

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
573998

Главлит А - 29683
Тираж 7000 экз.

Заказ № 2444



План места боя

I. Общая картина событий.

Среди рабочих и служащих Екатерининской железной дороги еще с начала 1905 г. стало прорываться в разных формах революционное движение, в котором находилась тогда вся страна. На разных ее станциях, в депо и в мастерских, не раз за этот год возникали частичные забастовки. На этой дороге с сетью путей, охватывающих огромный район Донецкого бассейна с его рудниками и железоделательными заводами, со многими тысячами рудничных и заводских рабочих,—октябрьская забастовка 1905 г. была проведена с особым под'емом. Хотя для многих она казалась неожиданностью, но была принята всеми без всяких рассуждений, так как отвечала необходимости об'единенного массового выступления и открывала для него очень легкую форму, в которой могли участвовать самые пассивные, политически маловоспитанные люди. Были, как на всех других дорогах, избраны делегаты для представительства от рабочих и служащих, как для местных с'ездов, так и на всероссийский с'езд союза железнодо-

рожников. Съезды, митинги и случайные сходки происходили непрерывно. Требования об улучшении экономического и правового положения служащих и рабочих играли в этом движении не менее серьезную роль, чем требования политические. Характерно, что в то время, как 18 октября из Петербурга был дан приказ о прекращении забастовки, на Екатерининской железной дороге большинство служб приступило к занятиям только лишь 20 октября, т. е. после того, как администрация дороги об'явила об удовлетворении большинства пред'явленных экономических и правовых требований служащих и рабочих. Машинисты же приступили к работе лишь 23—24 октября, когда их экономические требования были удовлетворены полностью. Затем, следует отметить, что делегатское собрание рабочих Екатерининской железной дороги, которое заседало в составе около 700 человек, постановило ввести революционным путем 8-часовой рабочий день во всех мастерских и депо дороги, и это постановление немедленно было приведено в исполнение «явочным путем» в большинстве станционных депо и мастерских дороги: в Екатеринославе, Нижнеднепровске, Александровске, Сватове, Пологах, Гришине, Авдеевке и других местах. Вместе с этим, совершенно изменились внутренние отношения рабочих с администрацией. Были случаи расправ с мастерами и начальством в форме вывоза на тачках. Во всех депо и мастерских почти ежедневно пред'являлись новые требования, и не раз

случались частичные, стихийно возникавшие забастовки.

Из этих проявлений роста революционности самыми характерными были требования об удалении непопулярных должностных лиц.

Среди требований, стремившихся установить более сносное правовое положение, надо отметить требование учреждения третейских судов для разрешения недоразумений между администрацией и рабочими мастерских и депо и смешанных комитетов для разрешения вопросов о приеме и увольнении. Среди экономических требований самым характерным было требование постройки жилых домов, так как во всем Донецком бассейне в станционных, рудничных и заводских поселках жилищные условия были весьма плохи.

Но на ряду с этим, конечно, прежде всего, всех интересовала борьба с царским правительством. Погромы, жестокие усмирения крестьян, среди которых развилось аграрное движение, подавление вооруженной силой вспыхивавших тогда в разных местах восстаний в войсках и во флоте, ясно свидетельствовали, что политика правительства стремится свести на нет все завоевания. В ноябре разразилось восстание в Севастополе, которым руководил лейтенант Шмидт. Через несколько дней оно было подавлено со всей жестокостью.

17 ноября в Екатеринославе в английском клубе состоялось собрание железнодорожных служащих,

на котором присутствовало 600—700 человек, т. е. столько, сколько мог вместить зал. Перед этим собранием был поставлен вопрос о том, что железнодорожники, перевозя войска для подавления революционного движения в народе, тем самым участвуют в борьбе на стороне правительства и контрреволюции. Хотя собрание это было назначено для заслушания доклада делегатов, вернувшихся с первого с'езда всероссийского союза железнодорожников, но сообщение о событиях в Севастополе перевернуло всю повестку. С большим под'емом было принято следующее постановление: «Собрание железнодорожных служащих и граждан города Екатеринослава постановило: признать участие железных дорог в перевозке войск для означенной цели равносильным участию в убийстве, а железнодорожных служащих, тем или иным способом участвующих в ней,—пособниками в этих преступлениях, заслуживающими самого строгого общественного осуждения».

На этом же собрании было принято постановление послать телеграмму в газеты с протестом по поводу ареста в Москве «Бюро всероссийского крестьянского союза».

В такой политической атмосфере для служащих и рабочих Екатерининской железной дороги протекли конец октября и ноябрь.

За эти 7 недель, от октябрьской до декабрьской забастовки, правительство Витте, как известно, не теряло ни одного дня в своем контрреволюционном наступлении. Только сначала оно кое-как

маскировало его в глазах масс, а затем, чем дальше, тем решительнее вело свою борьбу в открытую. К концу ноября почти по всей России действовало военное положение, а в некоторых местах уже работали генералы, особо назначенные для подавления революционного движения. При таких обстоятельствах, новые забастовки уже об'являлись разрозненно служащими отдельных железных дорог; так, например, 20 ноября 1905 г. от служащих Харьково-Николаевской жел. дор. в Екатеринославе была получена телеграмма с предложением присоединиться к их забастовке, об'явленной для поддержания требования о снятии военного положения в Харькове и для прекращения подвоза войск в места, охваченные восстанием.

2 декабря служащие Екатерининской жел. дор. послали телеграмму с протестом против осуждения в Севастополе на казнь лейтенанта Шмидта.

Вслед за арестом бюро крестьянского союза в Москве было арестовано 22 ноября бюро почтово-телеграфного союза. 26 ноября в Петербурге был арестован Хрусталев-Носарь, председатель Петербургского совета рабочих депутатов. Наконец, 3 декабря, во время заседания в вольно-экономическом обществе был арестован весь Петербургский совет рабочих депутатов, в числе около 160 человек, и одновременно приостановлено 8 столичных газет, т. е. был захвачен и разбит центр революционного движения и скована печать. В этот же день был издан специальный за-

кон, которым жестоко каралось участие в забастовках рабочих и служащих предприятий, имеющих общественное и государственное значение. Это был удар, направленный прямо в железнодорожников.

В ответ на эти меры правительства пролетариат в столицах об'явил забастовку. В управлении дороги в Екатеринославе 7 декабря была получена из Москвы телеграмма с об'явлением о ней. Телеграмма была адресована: «всем трем товарищам из Москвы и председателю делегатского собрания служащих Науману для сведения и указания по линии». В ней сообщалось, что «конференция 29 железных дорог, центральное бюро всероссийского ж.-д. союза, петербургский и московский советы рабочих депутатов об'явили 7 декабря всеобщую политическую забастовку».

Еще раньше этой телеграммы была получена в управлении дороги в Екатеринославе и передана по всем линиям Екатерининской железной дороги другая депеша из Москвы от 5 декабря. В ней сообщалось, что в Москве об'явлена забастовка.

Вслед за получением телеграммы, с раннего утра 8 декабря на Чечеловке (т. е. в городском районе, примыкающем к Екатеринославским жел.-дор. мастерским и к огромному железоделательному заводу Брянского об-ва, где жило с семьями до 60 тысяч рабочих) настроение было до крайности приподнятое, очень мрачное и в то же время

решительное до отчаяния. Речи ораторов представляли собой потоки негодования, изливавшегося на правительство, а не обсуждение доводов за и против забастовки, как приема борьбы, могущего иметь успех при сложившихся политических обстоятельствах. Говорившим и всем присутствовавшим казалось, что другого выхода нет—так же, как это казалось конференции 29 железных дорог и московскому и петербургскому советам рабочих депутатов—51 голосом против 3 собрание постановило присоединиться к всеобщей политической забастовке и немедленно начать ее. И тотчас по всем станциям Екатерининской жел. дор. была дана телеграмма: «сегодня, с 10 часов утра об'явлена всеобщая забастовка всех дорог и рабочих». Подпись—«Товарищи».

Для руководства забастовкой в Екатеринославе, по соглашению всех местных революционных организаций, был образован общий Боевой стачечный комитет, в который вошли по одному представителю с одним голосом делегаты следующих организаций: от забастовочного распорядительного комитета Екатеринослава, от об'единенного комитета РСДРП, от Екатеринославской организации «Бунда», от Екатеринославского комитета партии с.-р., от стачечного комитета почтово-телеграфного союза. Эта вновь создавшаяся организация получила название «Об'единенного боевого стачечного комитета». Она стала выпускать ежедневно свои бюллетени, в которых сообщала о политическом положении во всей России и публи-

ковала свои распоряжения по вопросам забастовки. Начал свою деятельность этот комитет с того, что издал прокламацию с об'яснением поводов к новой всеобщей забастовке. В ней было заявлено, что эта мера принята, как крайняя и последняя, Петербургским и Московским советами рабочих депутатов и конференцией из представителей 29 российских железных дорог. Цель забастовки — противодействие контрреволюционным мерам правительства.

Согласно общим директивам, совершенно так же, как это происходило на других дорогах, Об'единенный боевой стачечный комитет об'явил, что железная дорога будет перевозить беспрепятственно и бесплатно всех солдат без оружия, как запасных, так и желающих ехать в отпуск до любого места, и что пассажиры, застигнутые в пути, будут доставлены до ближайших городов.

Нужно заметить, что оба эти условия забастовки чрезвычайно затруднили ее проведение, так как требовали от рабочих и служащих явки на работу, и в значительной степени были причиной того, что во многих местах на железных дорогах декабрьская забастовка не удалась. Особенно много возни было с перевозкой запасных солдат. Между тем, отказаться от перевозки их было также рисковано. Дело происходило через два месяца с небольшим после подписания Витте мира с японскими представителями, которым закончилась русско-японская война. Демобилизованные запасные двигались тогда с Дальнего Востока и из Сибири во все

места России, по всем направлениям и по всем железнодорожным линиям. Часто они шли в составе целых эшелонов, с оружием и под командой офицеров. Настроение их было весьма озлобленное на всех и на все. Каждую минуту их недовольство могло вылиться в возмущение и насилие не только против своего военного начальства или гражданских властей, но и против железнодорожников, если бы они воспрепятствовали их движению. Случаи разгромов станционных буфетов и погромов на станциях происходили нередко.

Вообще с демобилизованными запасными нужно было быть очень осторожными, и мера эта вызывалась действительной необходимостью. Екатеринославской коалиционный боевой стачечный комитет, согласно директивам центра, постановил закрыть все промышленные, торговые, общественные и правительственные учреждения с тем, чтобы забастовка действительно была всеобщая. Она не распространялась только на государственные банки и на сберегательные кассы, служащим которых стачечный комитет дал приказ непременно работать, чтобы граждане могли получить свои вклады и обменять бумажки на золото». Предполагалось, что таким образом можно довести правительство до немедленного банкротства.

В тот же день, 8 декабря, в Екатеринославе действительно стали все заводы, железнодорожные мастерские, прекратилось движение поездов и трамваев в городе, остановились типографии и перестали выходить газеты, прекратилась работа в

промышленных и торговых заведениях. Вся жизнь города, промышленная и торговая, замерла, а на улицах, наоборот, было необычайное оживление.

Забастовочный распорядительный комитет Екатерининской жел. дор. 8 декабря разослал по линии телеграфный приказ всем служащим и рабочим немедленно приступить к забастовке. В той же телеграмме он дал инструкцию о сформировании на узловых станциях и на станциях, имеющих паровозные депо, местных распорядительных забастовочных комитетов. Кроме того, для руководства движением делегатских и воинских поездов было предложено избрать распорядителей. Для информации и инструктирования должно было быть установлено на всех станциях дежурство телеграфистов.

В Москве был завязан главный узел событий и исход московского восстания должен был решить борьбу. Поэтому первым делом сформированного комитета была командировка в Москву одного из своих членов «за получением инструкций».

Везде думали о Москве, везде ждали от нее инструкций и старались поддерживать ее. Но правительственный центр находился тогда в Петербурге. Нельзя было поразить его восстанием в Москве, а в Петербурге декабрьские события проходили относительно слабо: там не было восстания, и правительственный центр ни на минуту не был сбит с позиции. Там он собрался с силами, оттуда он направил свой удар на Москву, разгромил в ней революцию и потом начал быстро,

жестоко и систематично ликвидировать движение по всей России.

Пока решающие события разыгрывались в центрах, Екатеринослав и весь Донецкий бассейн были от них отрезаны. Здесь развернулись свои события, по напряженности, пожалуй, не уступавшие тому, что происходило в Москве.

Телеграфный призыв забастовочного комитета Екатерининской железной дороги был принят очень нервно, с большим возбуждением, но без того внутреннего под'ема, который обычно дает России. Озлобленные и экономически неустроенн надежду на успех и веру в победу. На станциях, где были рудничные и городские поселки, возбуждение было особенно велико. Все знали, что вместе с забастовкой могут произойти погромы. Шахтеры в массе не представляли тогда собою рабочих, порвавших навсегда с деревней. Большинство из них шло в шахты на заработки из малоземельных и голодных районов центральной России. Озлобленные и экономически неустроенные в жизни, они в течение зимы несли очень тяжелую и нередко опасную для жизни работу в недрах земли, не имея ни угла, ни семейного приюта, ни культурных учреждений, где бы можно было провести досуг. На лето они в значительном числе возвращались к себе на родину, к своим. более или менее голодным семьям, чтобы зимой опять притти на рудники.

Когда в октябре, вслед за манифестом, правительство организовало погромы, то в Донецком

ПОГАШЕНО

2444—2

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА 573998

бассейне администрация и черносотенцы повели среди шахтеров усиленную агитацию против железнодорожников и заводских рабочих. В Горловке, где в декабре произошел бой с войсками, в октябре был жестокий еврейский погром. Такие же погромы были и в других местечках и поселках Донецкого бассейна. Для ограждения от них, почти на всех крупных станциях были сформированы особые дружины самообороны. В заботах об их усиленной организации прошел весь ноябрь месяц. На вооружение дружин самообороны собирались деньги среди железнодорожных служащих и среди поселкового населения. Для самообороны покупали разными нелегальными путями револьверы.

Возможность новых погромов на станциях и в поселках очень усиливала то нервное возбуждение, с которым была встречена в Донецком бассейне телеграмма от 8 декабря с призывом к забастовке. Получив ее, большинство железнодорожных служащих немедленно бросилось действовать в интересах забастовки и всего движения. Одни старались, во что бы то ни стало, сохранить свои станции, уберечь от расхищения грузы и имущество, предохранить их от возможных разгромов. Другие собирали митинги в станционных помещениях, говорили о провокации правительства, убеждали стать на сторону революции и поддерживать движение. Более решительные проклинали царя и его правительство, но, кроме призывов к забастовке, т. е. к чисто пассивной поддержке

Москвы, никто не имел никаких практических боевых лозунгов. Телеграфисты сидели днями и ночами у своих аппаратов, ловили со всех концов всевозможные приказы и слухи и тотчас же распространяли их. Машинисты никак не могли окончательно уйти от своих паровозов, так как то и дело приходилось проводить поезда с запасными или делегатами. Начальники станций, их помощники, товарные кассиры следили все время за стоявшими на их станциях груженными вагонами и снаряжали самооборону для их охраны.

Так прошли на станциях Екатерининской железной дороги первые дни декабрьской забастовки, очень скрашенные тем, что во всех больших станционных помещениях происходили в это время почти непрерывно, иногда даже по ночам, многолюдные митинги, на которых выступали и свои, и приезжие ораторы и произносили речи, изливая в них общее негодование по отношению к правительству.

Такова была общая картина в первые дни декабрьской забастовки в Донецком бассейне.

II. События в Екатеринославе.

Вечером 7 декабря, когда стало известно о получении телеграммы из Москвы с призывом к всеобщей забастовке, на станции Екатеринослав состоялся грандиозный митинг, превратившийся затем в очень многолюдную демонстрацию. Были красные флаги, произносились речи, пели марсельезу. С 8 часов утра в железнодорожных мастерских и на Брянском заводе раздались тревожные гудки, работы прекратились, а рабочие и мастеровые с флагами и с пением марсельезы двинулись в управление дороги, затем в депо и в различные учреждения города, где к ним присоединялись рабочие и служащие. Многотысячная толпа забастовщиков прошла с демонстрацией по главной городской улице — Екатерининскому проспекту — и затем разошлась, когда все предприятия и учреждения в городе стали. Часть забастовщиков захватила на станции Екатеринослав состав одного из дачных поездов, разукрасила его паровоз красными флагами и с пением отправилась в Нижнеднепровск, расположенный на

противоположной от города стороне реки Днепра, где находятся центральные железнодорожные мастерские Екатерининской жел. дороги и много железоделательных и механических заводов. Здесь с утра раздавались тревожные гудки, происходили митинги и единодушно принимались постановления о присоединении к забастовке. По прибытии этого поезда на станцию Нижнеднепровск также состоялись многолюдный митинг и демонстрация.

Екатеринославская губернская администрация не принимала никаких мер, ни к противодействию забастовке, ни к разгону митингов и демонстраций. Как об'ясняли потом представители администрации на следствии, они и не могли ничего предпринять, потому что в Екатеринославе не было войск или, вернее, оставались только караульные команды, так как расквартированные в Екатеринославе Керчь-Еникальский, Симферопольский и Феодосийский полки еще не возвратились с театра военных действий, а те кадровые части их, которые оставались на месте, были командированы на подавление восстания в Севастополь или в разные районы Екатеринославской губернии для борьбы с аграрным движением.

При таком положении забастовочный распорядительный комитет Екатерининской жел. доорги легко и без сопротивления установил свою власть в управлении дороги. Его постановлением были устранены от должностей начальник дороги и начальники отдельных служб, которые и по собственной инициативе предпочитали отсиживаться

дома все забастовочное время. На их места комитетом были назначены новые лица из его состава. Первые дни забастовки все шло очень легко и гладко, за исключением нескольких инцидентов с проходившими мимо запасными. Забастовочному комитету приходилось заботиться об их перевозке и контролировать, чтобы у них не было оружия. Одним из самых характерных эпизодов такого рода надо считать следующий: на станцию Екатеринослав прибыл вагон, в котором находилось 32 вооруженных «нижних чина» 207 пехотного Кишиневского полка. Так как по условиям забастовки не полагалось перевозить вооруженных солдат, то их вагон отцепили и поставили на запасный путь. Комендант по перевозке войск на станции Екатеринослав доложил об этом своему военному начальству. Тогда командир 34 пехотной дивизии приказал солдатам сдать ружья воинскому начальнику. Солдаты с величайшей охотой и весело исполнили это и вернулись на станцию, а забастовочный комитет тотчас же отправил их в город Кишинев. Этот случай великолепно характеризует отношения между екатеринославскими железнодорожными служащими и местными властями, которые должны были их усмирять. Он интересен и как показатель настроения в войсковых частях того времени. Может быть, любопытнее всего в нем стремление всех участников этого эпизода, во что бы то ни стало, избежать вооруженного столкновения. Позиция революционных партий, прекрасно понимавших, что без насильственного

ниспровержения правительства в революции обойтись нельзя, массой тогдашних железнодорожников еще не была достаточно усвоена. Другая же сторона — местные военные и полицейские власти проявляли миролюбие, лишь притворяясь овцами. События озлобляли их до крайности, и только отсутствие военной силы заставляло их или прятаться или играть в сочувствие движению, дипломатически маневрировать подобно мудрому начальнику 34-й дивизии, заставившему солдат сдать свое оружие воинскому начальнику. Эти солдаты, конечно, сдали бы свое оружие всякому, кто у них его более или менее смело потребовал, и прежде всего, тем же самым бастовавшим железнодорожникам, как это случилось в те же дни на станциях в Донецком бассейне, где настроение было более повышенное. Но местным железнодорожникам была еще чужда мысль о необходимости борьбы с оружием в руках, и инцидент с 32 нижними чинами Кишиневского полка был разрешен с истинно соломоновской мудростью с обоих сторон, без всяких столкновений и недоразумений. А солдаты были им весьма удовлетворены, так как это окончательно освобождало их от воинских обязанностей.

Вторым характерным моментом психологии руководителей забастовки на станции Екатеринослав была величайшая заботливость об имуществе, которое представляли застрявшие на их станции грузы, размещенные в товарных вагонах на путях. Для их охраны они устанавливали дежурства

организованной ими самообороны, вооруженной револьверами, добытыми в большинстве случаев с большим риском всякими нелегальными путями. Не раз по ночам дежурные патрули самоотверженно преследовали воров, обкрадывавших вагоны, и при этом обычно стреляли в воздух.

11 декабря утром на станции Екатеринослав были расклеены об'явления с предложением служащим и рабочим немедленно начать занятия. Об'явления эти тотчас же после расклейки были сорваны. В тот же день, около 3 часов пополудни станция Екатеринослав была занята войсками. Члены комитета покинули ее без сопротивления. Однако, это занятие еще не означало решительной вооруженной борьбы с забастовщиками. Войска не производили никаких расправ и арестов, а только несли охрану станции и не допускали забастовщиков распоряжаться движением. Ввиду татакого маневра, распорядительный стачечный комитет Екатерининской железной дороги начал рассылать свои приказы и инструкции по линии с двух станций, ближайших к Екатеринославу, к западу и востоку, со станции Горяйново и со станции Нижнеднепровск, расположенных в заводских предместьях Екатеринослава.

Коалиционный боевой стачечный комитет ответил на этот маневр начальства лишь постановлением прекратить отправление и прием поездов на станции Екатеринослав до тех пор, пока станция не будет очищена от войск. А чтобы это постановление было осуществлено, он распоря-

дился разобрать путь между Горяиновым и следующей станцией к западу — Диевкой. Об этой мере было сообщено начальнику службы движения с заявлением, что «движение будет открыто, если станция Екатеринослав будет очищена от войск».

На эти меры военное начальство ответило такой же дипломатической мерой и, по его приказу, были разобраны пути от станции Екатеринослав до станции Нижнеднепровск, и движение поездов действительно прекратилось.

В бюллетене забастовочного комитета от 13 декабря было сообщено, что на призыв начальника дороги стать немедленно на работу под угрозой расчета рабочие ответили отказом. Боевой стачечный комитет при этом об'явил, что ни один рабочий не может стать на работу впредь до особого распоряжения комитета.

В управлении дороги с 8 декабря никаких занятий не происходило.

Таким образом, в Екатеринославе обе стороны вели себя более или менее пассивно, ожидая разрешения событий в других местах, где они имели более острый характер. А начиная, приблизительно, с 15 декабря, настроение здесь быстро пошло на убыль, так как стало известно, что на многих железных дорогах забастовка уже прекратилась. Наконец, в № 924 «Русских Ведомостей» от 19 декабря появилось сообщение, что Бюро всероссийского союза железнодорожников решило окончить политическую забастовку и послало по всем линиям железной дороги следующую телеграмму:

«На основании соображений, которые вслед за сим будут опубликованы в газетах, Центральное бюро союза, признавая настоящий момент соответственным для перехода к парламентской борьбе, об'являет окончание железнодорожной забастовки и призывает приступить к работе с 19 декабря; Бюро рекомендует товарищам энергично готовиться к предвыборной кампании для проведения своих представителей в Государственную Думу».

Таково было к двадцатым числам декабря положение екатеринославских железнодорожников.

В каком положении находились екатеринославские власти в период декабрьской забастовки, можно судить по докладу екатеринославского губернатора министру внутренних дел от 7 декабря 1905 г. за № 10052.

«Убежденно удостоверяю —писал губернатор в своем докладе,—что наличных военных сил недостаточно в течение зимы, т. е. до апреля, когда новобранцы станут в строй; а наибольшая необходимость в войсках, несомненно, окажется с февраля, т. е. с начала полевых работ, обширных аграрных захватов и погромов».

Центральным местом этого доклада, не менее важным, чем требование о присылке войск, было обращение к высшему начальству с просьбой раз'яснить, как собственно надлежит понимать манифест.

«Хотя манифест 17 октября не отменил положения об усиленной охране — писал губернатор,— но отсутствие вполне ясных и точных указаний

со стороны министерства, повидимому, ставит в затруднение чинов жандармской полиции. Деятельность их, равно как и охранных отделений, за последнее время проявляется более слабо. Не имея оснований отнести это к индивидуальным качествам личного состава, я такое положение дела об'ясняю вероятным отсутствием общих руководящих указаний, скорейшее издание коих поэтому необходимо».

Таково было положение и настроение екатеринославского губернатора в день получения известия о начале всеобщей забастовки, т. е. 7 декабря, а 22 декабря 1905 г., т. е. немедленно по окончании забастовки и по восстановлении телеграфного сообщения, екатеринославский губернатор послал председателю совета министров, графу С. Ю. Витте следующую телеграмму:

«На телеграфный запрос вашего сиятельства о положении дела в губернии докладываю: общее положение губернии тревожное. В Екатеринославе и на заводах беспорядков и столкновений с войсками не было, магазины торгуют, трамваи и электричество действуют; часть стачечного комитета арестована, большинство рабочих склонны работать, заводы стоят вследствие отсутствия угля из-за забастовки железной дороги. Много случаев обезоружения полиции, городовой убит. С возвращением Симферопольского полка посланы войска по линии Екатерининской дороги занять узловые станции, прекратить произвольное и восстановить правильное движение. При занятии стан-

ций были столкновения с жертвами в Александровске, Головке и Гришине. Харьково - Севастопольская дорога возобновила движение; Екатерининская, вероятно, возобновит на-днях. В Верхнеднепровском уезде погромы затихают, там 12 дней вице-губернатор с войсками. Войска неоднократно действовали оружием, были жертвы, грабители задерживались, награбленное отбиралось. Местная полиция усилена из других уездов. В прочих уездах аграрные беспорядки незначительны».

Эти доклад и телеграмма екатеринославского губернатора показывают, что в его лице екатеринославские забастовщики имели противника, у которого не было возможности вступать с ними в решительную борьбу при помощи вооруженных сил. Кроме того, персонально губернатор желал быть в стороне от событий, и уже после первой забастовки начал ходатайствовать, чтобы его перевели из Екатеринослава или уволили, ссылаясь на малярию, осложненную острым катаром кишек.

По отношению к событиям в Екатеринославе эти документы об'ясняют, почему эти события прошли так бескровно.

На других станциях Екатерининской железной дороги, где не было больших заводских поселков, события не могли развернуться в восстание. Зато на станциях и в заводских поселках Донецкого бассейна революционное настроение бастующих поднялось очень высоко и дошло до открытых вооруженных столкновений с войсками, закончившихся известным Горловским боем.

★

III. События на станции и в поселке Гришино

Фактическим центром движения в Донецком бассейне было Гришино, а не Екатеринослав.

Главной фигурой здесь был учитель Прохор Динега.

После 17 октября он организовывал в железнодорожной библиотеке и в театре, а затем и прямо на станционных путях против здания станции почти ежедневные собрания и митинги. Эти митинги привлекали почти всех железнодорожных служащих и рабочих и многих жителей поселка. Здесь обсуждались экономические нужды, резолюции «делегатских собраний» и составлялись наказы делегатам, отправлявшимся в Екатеринослав. Здесь же обсуждались недоразумения между служащими и начальством на правах товарищеского суда, но основным содержанием была, конечно, революционная пропаганда, а главным оратором был тот же Динега, который, по словам обвинительного акта, «старался убедить свою невзыскательную аудиторию, что первой причиной всех бед является современный политический строй России, что их

нужды могут быть удовлетворены только тогда, когда путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования будет созвано учредительное собрание, которое обратит Россию в демократическую республику, для чего необходимо бороться с правительством путем открытого всеобщего восстания, неплатежа налогов и податей, отобрания земли, рудников, фабрик и заводов у помещиков и капиталистов в пользу народа и другими подобными зверствами».

Кроме Динеги, на митингах выступала учительница железнодорожного училища, Лидия Доброва, и приезжие агитаторы, которых Динега выписывал из Екатеринослава и даже из Москвы. Вокруг Динеги сплотилась целая революционная организация, у которой в поселке была своя конспиративная квартира, где хранились и откуда распространялись прокламации и брошюры «преступного содержания». Организация эта «разжигала страсти до крайних пределов», — как утверждал обвинительный акт. Ее революционная агитация имела полный успех. «Эта революционная работа привела к тому, что служащие и рабочие начали вести себя вызывающе, вступали в пререкания с администрацией станции по всякому поводу, состязались между собой в произнесении громких фраз, слышанных от агитаторов, и, в свою очередь, вели агитацию без конца».

«Дисциплина на станции упала. Железнодорожное начальство потеряло всякий авторитет, угрозы бойкотом и товарищеским судом, а также вызываю-

щее поведение подчиненных фактически упразднили его власть... Динега и другие делали, что хотели».

В таких выражениях обвинительный акт характеризовал общее положение на станции Гришино, еще задолго до декабрьской забастовки.

Но этого мало: помимо агитации и пропаганды Динега и руководимая им организация создали еще в Гришине серьезную вооруженную силу на случай необходимости самообороны при повторении черносотенных погромов или на случай вооруженной борьбы.

Мысль о самообороне возникла в поселке сама собой тотчас же после октябрьского погрома. За ее учреждение горячо ратовали, как сам Динега, так и все сочувствовавшие ему.

Динега был крупный революционер, волевой человек и талантливый организатор; «самооборона» у него, не в пример другим станциям и поселкам, была сорганизована очень продуманно, предусмотрены все детали и действовала настолько хорошо, что приобрела значительную популярность и авторитет. Во главе ее стоял особый комитет. Был выработан устав и нормальная инструкция для членов.

По уставу и инструкции, в самооборону могли добровольно вступать служащие станции Гришино и жители поселка не моложе 17 лет от роду. Во главе ее стояли председатель, хозяйственный комитет, начальник самообороны и три помощника, по числу которых самооборона разделялась

на три группы. Каждая группа разбивалась на десятки во главе с десятником. Начальник самообороны распределял оружие между десятниками, а те наряжали патрули.

Функция самообороны «в мирное время», как значилось в параграфах 15—17 инструкции, сводилась к обходу станций и поселка патрулями.

Характерно для 1905 года, что организованная, таким образом, самооборона существовала не только с ведома жандармских и полицейских властей, но, можно сказать, находилась в прямом контакте с ними. Так, по той же инструкции, патрулям и вообще всем членам самообороны вменялось в обязанность следить и доводить до сведения урядника, станционного жандарма и начальника самообороны обо всех подстрекающих к нарушению тишины и спокойствия, устранять крики, драки и проч.

При нападении хулиганов сбор самообороны производился по общей тревоге, сигнал для которой подавался учащенными свистками паровоза. Интересна такая деталь: тревожные свистки даются машинистами не иначе, как по карточке начальника самообороны, при чем эта карточка должна быть передана ему не иначе, как дежурным десятником. В случае тревоги десятники берут хранящееся у них оружие и патроны, являются на сборный пункт и здесь раздают его самооборонщикам. Ни у кого из членов самообороны оружие на дому храниться не должно. Они получали его

при нарядах в патрули и затем возвращали, кончив дежурство.

Вооружение самообороны было произведено на деньги, собранные по подписке совершенно открыто среди жителей поселка и станционных служащих. За приобретением его один из поселковых жителей, участвовавший в организации Динеги, ездил два раза в Ростов, при чем в судебном деле было установлено, что в первый раз он привез два ящика с револьверами. Кроме того, оружие для самообороны было выписано из других городов.

В состав самооороны вошли, главным образом, служащие станции.

Деятельность созданной, таким образом, самообороны, по утверждению обвинительного акта, до декабрьской забастовки носила «вполне мирный характер».

Популярность Динеги и его связь с массами непрерывно росла.

Вечером 22 ноября на станции Гришино была получена телеграмма с призывом к забастовке впредь до отмены смертного приговора над инженером Соколовым на станции Кушка (крепость на Афганской границе). Это был первый случай смертного приговора после октябрьского манифеста. Он произвел тогда по всей России огромное впечатление и впервые поставил на очередь вопрос о второй железнодорожной забастовке. Динега собрал митинг, огласил телеграмму, произнес горячую речь и предложил немедленно начать забастовку. Его поддержали товарищи. Собрание со-

гласилось, и его участники пошли на станцию тушить паровозы, а Динега дал депешу по линии, что служащие станции Гришино с лозунгом: «Долой правительство и смертную казнь» начали забастовку. Одновременно гришинские делегаты отправились в Екатеринослав и на всех промежуточных станциях вели агитацию, требуя поддержки.

Утром 24 ноября центральный комитет Екатерининской железной дороги телеграфировал в Гришино, что Соколов казнен не будет, и забастовка была перкращена.

Наконец, 7 декабря в Гришино пришла телеграмма из Москвы от конференции 29 железных дорог, центрального бюро союза железнодорожников и Московского и Петербургского советов рабочих депутатов с об'явлением всеобщей политической забастовки.

На следующий день, 8 декабря, распорядительный комитет Екатеринининской железной дороги телеграфировал в Гришино и по всем станциям, что забастовка начата с 10 часов утра 8 декабря. Вслед за первой была получена другая телеграмма с об'яснением, что «в ответ на последние распоряжения правительства, доказавшего ими свою решимость отнять у народа остатки гражданских свобод и обманувшего народ манифестом 17 октября, последовало об'явление всеобщей политической забастовки». Все станции, получив эту телеграмму, начинали без рассуждения бастовать. Гришинцы чувствовали себя силой, и их не удовлетворило такое об'яснение. В ответ на телеграмму они послали в

Екатеринослав делегатов с отдельным паровозом для выяснения причин и условий забастовки. Делегаты, не доезжая до Екатеринослава, со станции Синельниково дали в Гришино телеграмму: «С божьей помощью бастуйте». Тотчас же в здании библиотеки состоялся многолюдный митинг, на котором Динега и его товарищи доказывали политическую необходимость забастовки, которая должна нанести «последний удар существующему правительству». Собрание единодушно решило немедленно приступить к забастовке и избрало свой распорядительный комитет. По окончании митинга, об этом было об'явлено станционной администрации, и распорядительный комитет, вступив в свои обязанности, дал телеграмму: «С 10 часов вечера 8 декабря Гришинский распорядительный комитет открыл свою деятельность».

Но он не только открыл свои действия, а сейчас же начал по всем станциям Донецкого бассейна устанавливать свой порядок.

Вслед за названной телеграммой последовала другая: «Весьма срочно от Авдеевки до Екатеринослава. Всем служащим. Гришинский распорядительный просит открыть телеграфное сообщение и установить правильное обслуживание телеграфа, без чего работать невозможно».

Затем последовала следующая депеша: «Срочно начальникам станций, постов и раз'ездов. Копия, Екатеринослав распорядительный комитет. Просим иметь в виду, что за время забастовки будут в движении назначенные комитетом поезда. Поэтому

наличие дежурных агентов должно быть таковым, чтобы обеспечить безопасность движения. Гришинский комитет».

Одновременно комитетом были назначены к ежедневной отправке поезда за №№ 215 и 22.

К судебному делу было приложено 14 телеграмм, которыми этот комитет устанавливал порядок проведения забастовки и давал инструкции станционным агентам. Динега и его гришинские товарищи, в противоположность громадному большинству участников движения, привыкли действовать самостоятельно и, не ожидая ни от кого инструкций, сами устанавливали их и наводили порядок, при чем все в деталях ими было продумано.

Начиная с 8 декабря, Гришино, как и станция, очутилось во власти распорядительного комитета, и он стал распоряжаться паровозами, подвижным составом и телеграфом и поручил агентам охранять склады и грузы. При выборе комитета были проведены в него более или менее подходящие лица из станционной администрации; поэтому захват станции забастовщиками произошел весьма легко.

С об'явлением декабрьской забастовки в поведении самого Динеги и его товарищей почувствовался перелом. Вместо подготовительной, организационной и агитационной работы наступила открытая революционная борьба. Вместо пассивной оборонительной забастовки гришинцы повели сами организованное наступление. Захватив станцию, Динега и его товарищи стали открыто называть себя революционерами и доказывать в своих речах, что все

должны стать революционерами, так как добиться поставленной цели можно только революционным путем. Влияние их было вследствие этого огромно, и очень скоро ими был завоеван авторитет по всей линии. Гришинцы не вели борьбу с центральным комитетом, находившимся в Екатеринославе, и не конкурировали с ним. Но, взяв решительный революционный курс, естественно явились моральным и организационным центром для окружавших станций, рудников и заводов Донецкого бассейна. Они установили со всеми правильные сношения и скоро приобрели формально название отделения центрального комитета Екатерининской дороги. Гришинцы первые повели разоружение проезжавших через станцию воинских чинов и инструктировали в этом отношении соседние станции, но при этом действовали довольно осторожно и старались не вызывать напрасных столкновений.

13 декабря они обезоружили, между прочим, на своей станции прибывших с поездом 13 солдат с винтовками. Затем были разоружены все жандармские унтер-офицеры и местный урядник.

Гришинский комитет отдал распоряжение сидельцу казенной винной лавки закрыть ее. Когда, утром 11 декабря комитетчики явились снова в лавку и увидели, что она открыта, они приклеили к ее дверям об'явление за своими подписями о том, что лавка закрыта по постановлению комитета. И после этого винная лавка действительно оставалась закрытой до конца декабрьских событий.

С момента разоружения солдат и чинов полиции гришинский комитет переименовал себя из распорядительного в Боевой стачечный комитет, что фактически вполне соответствовало его тактике и его настроению. Одновременно с постановлением о переименовании Динега произвел реорганизацию самообороны: из ее участников он выделил особый отряд и назвал его Боевой дружиной, сосредоточив в ее руках запасы оружия.

На вооружение ее пошли: 1) оружие и патроны, собранные еще в начале организации самообороны у железнодорожных служащих и жителей поселка; это были, главным образом, охотничьи ружья и несколько револьверов; 2) револьверы, взятые при разоружении жандармских унтер-офицеров и урядников; 3) винтовки, отобранные у солдат; 4) револьверы, купленные в Ростове и Таганроге для самообороны на деньги, собранные еще в начале ее организации по подписке.

Динега и его товарищи позаботились также и о том, чтобы Боевая дружина умела обращаться с оружием. Для этого на станции в зале III класса они устраивали ученья, причем занимались, главным образом, обучением прицельной стрельбе.

Оружие дружины составляло в их глазах большую ценность. Поэтому его не выдавали никому на руки, а хранили в старом, снятом с осей вагоне, стоявшем на путях, откуда выдавали по мере надобности. Этот вагон представлял, собственно, арсенал гришинской дружины. Кроме описанного оружия, в нем стояла еще пушка, единственное ар-

тиллерийское орудие, которым дружинники располагали в Горловском бою. Рассчитано оно было на моральное воздействие на противника, так как стреляло весьма громко. Изготовлена эта пушка была из паровозной оси еще в 1896 г., к коронации Николая II, для салюта. Дружинники вновь высверлили ее дуло с тем, чтобы расширить его диаметр, и устроили для нее лафет на салазках, благо время стояло зимнее. Из этой пушки производилась пробная стрельба в цель нарубленными кусками свинца или самодельной картечью. Наконец, у Гришинской Боевой дружины было еще 55 ящиков динамита, из которого изготовлялись взрывчатые снаряды. Пробные взрывы их не раз производились невдалеке от станции.

Весь этот запас оружия и снарядов был на очень строгом учете. При выдаче все записывалось, для чего был специальный конторщик. Для охраны арсенала и для наблюдения за окрестностями на случай появления войск назначались часовые и патрули. Все участники Боевой дружины, как форму, носили на груди красные ленточки. Пополнение описанного арсенала производилось постоянно, так как гришинские дружинники по распоряжению комитета раз'езжали по окрестным станциям и обезоруживали всех чинов жандармской и общей полиции, у которых еще не было отобрано оружие.

Параллельно с Боевой дружиной продолжала существовать и нести свои обязанности по охране

поселка и самооборона, при чём ежедневно ее участники назначались в ночные обходы.

Динега был человек с революционным пафосом. В декабрьские дни он вел всю описанную деятельность, горя революционной страстью. Но в то же время этот человек имел достаточно выдержки, чтобы рассчитывать свои удары и вести за собой события, а не рабски следовать за ними. Заведующий железнодорожным училищем на одной из станций Донецкого бассейна, он родился революционным вождем, и если бы события застали его где-нибудь в центре, то, вероятно, его роль в русской революции была бы значительнее, и он оставил бы по себе большой след. Но случай забросил его в Гришино, и здесь в декабрьские дни Динега сделал все, что только мог сделать отдельный человек для революции, находясь в такой обстановке.

13 декабря утром гришинской Боевой дружине была передана телеграмма о приезде в Авдеевку для совместной экспедиции в Ясиноватую для обезоружения 12-й роты 280 пехотного Балаклавского полка. Одновременно было сообщено, что многие из солдат этой роты готовы сами сдаться дружинникам. Динега, выслушав это сообщение тотчас же собрал свою боевую дружину и отбыл поездом в Авдеевку. Там его дружина соединилась с местной, и он повез дружинников дальше в Ясиноватую. Здесь он руководил всей операцией разоружения роты шт.-капитана Карамышева, произведя ее с необычайной быстротой и ловкостью с полным расчетом на бескровную победу. Однако,

чрезмерная запальчивость Карамышева и несдержанность молодых дружинников привели к убийству этого офицера. Часов в 10 вечера того же дня, Динега возвратился в Гришино со своей дружиной и привез с собою 54 обезоруженных солдата. В дороге он успел установить с ними совершенно дружеские отношения, но в то же время хорошо понимал, что пользоваться ими, как боевой силой, для революционных целей не было возможности. В Гришино солдаты выпили чаю, закусили в буфете, побратались с дружинниками, а затем Динега тотчас отправил их поездом в Екатеринослав. Винтовки их пошли на вооружение гришинских и авдеевских дружинников. Об исходе операции из Ясиноватой было сообщено в Гришино по телефону; поэтому, когда Динега возвращался, его встречала на станции огромная толпа, ему была устроена овация и его носили на руках. С этого момента он, несомненно, приобрел авторитет не только революционера, оратора и организатора, но и боевого вождя. Если прибавить к этому то, что сказано было выше, то станет понятным, что ему не только подчинялись, но и верили, а многие и любили.

13 декабря жребий Динеги был брошен: он и вслед за ним его гришинские товарищи и вся масса дружинников выступили уже на «путь мятежа», как квалифицировал потом их деятельность на суде прокурор, или на путь открытой революционной борьбы не только с местными властями, но и с войсками и правительством. Они уже знали, что без

боя дело не обойдется, и старались только собрать для него наибольшее количество сил среди революционно настроенной части пролетариата Донецкого бассейна. Как и где должна была произойти решительная встреча с войсками, оставалось неизвестным. Но что должна произойти вооруженная борьба с боями, это было несомненно. Чтобы все понимали это положение, Динега с товарищами организовал в Гришине 14 декабря революционную «военную» демонстрацию. Была собрана огромная толпа, которая пошла по станционным путям и по поселку с пением революционных песен, с красными и, что нужно особенно отметить, с черными флагами. На этих флагах был один девиз: «Смерть или побе́да».

Обвинительный акт потом назвал эту демонстрацию празднованием победы в Ясиноватой. Это неправильно. Ничего праздничного в ней не было. Слово «смерть» на флаге стояло первым и расчетов на одоление противника было мало, так как вести, приходившие из Москвы, носили смутный характер. Динега и его товарищи решили вести вооруженную борьбу, и нужно было собирать для нее силы, поднимать настроение. Ведь побеждает всегда тот, кто хоть на минуту дольше противника сопротивляется в борьбе. Затем не было еще известно, как в массе поведет себя армия. Словом, надо было воевать, и Динега решил воевать.

С этого дня, 14 декабря, его дружинники постоянно имели при себе оружие и осматривали все проходившие поезда, отбирая оружие у всех про-

езжавших воинских чинов. По приказу Динеги они, начиная с того же 14 декабря, стали вести дальнюю разведку, высылая конные патрули за несколько верст от станции. Динега знал, что противник не сегодня-завтра должен подтянуть войска и появиться в окрестностях.

Для него и товарищей не было сомнений, что без боя они не сдадутся, но нужно было еще убедить в этом и других или, вернее, создать и у них настроение к бою.

В тот же день, 14 декабря, на собрании после демонстрации Динега предложил для сопротивления войскам укрепить станцию баррикадами. Была произведена тревога привычным всем сигналом (паровозными свистками), на которую собралась масса рабочих, служащих и жителей поселка. Под руководством Динеги и дружинников приступили к постройке баррикад и вели ее в течение 2 дней с большой настойчивостью. Баррикады строились вокруг станции из шпал, из набитых землей мешков, из проволоки и вагонеток. Было забаррикадировано и само станционное здание, а одна из его зал приготовлена для лазарета. Эта работа так увлекла ее участников, что помогали почти все жители поселка и железнодорожные служащие, даже и те, которым она не нравилась, так как они считали неловким уклоняться от этого общего дела. Обвинительный акт утверждал, что дружинники силой выгоняли всех из квартир на постройку баррикад, угрожая отказывавшимся насилием. Такие показания в следственном материале были, так

как люди перед следователем должны были чем-ни будь оправдаться. В действительности же, дружинники ходили по квартирам и люди шли, чтобы не было зазорно, а многие работали на постройке баррикад с большим одушевлением.

К вечеру 15 декабря, когда главные баррикады были уже возведены, в Гришино приехала с поездом боевая дружина со станции Авдеевки. Динега собрал совещание гришинских и авдеевских дружинников и здесь открыто поставил вопрос, как вести себя в случае появления войск. На этом совещании было решено дать им вооруженный отпор. Затем обсуждались тактические меры, которые нужно было принять для успеха борьбы с войсками. Устанавливали команду над отдельными группами дружинников, распределяли позиции и т. д.

По всем этим приготовлениям очевидно, что Динега рассчитывал, что железнодорожники и рабочие Донецкого бассейна должны принять бой с приближавшимися войсками на станции Гришино, но неожиданный ход событий изменил эти планы. 16 декабря в Горловке директор завода, бельгийский инженер Лоэст и местный пристав Немировский заставили драгун, которые там квартировали, открыть стрельбу в рабочих Горловского машиностроительного завода, с тем, чтобы арестовать другого вождя движения Зубарева-Кузнецова. Как только была произведена эта пальба, в Гришино была получена из Горловки телеграмма с требованием прислать боевую дружину, «в виду

нападения войск на рабочих». Динега не хотел принимать боя в Горловке, но, получив телеграмму, все-таки немедленно созвал общее собрание дружинников в здании библиотеки. Когда оно началось, один из дружинников подал Динеге новую телеграмму из Авдеевки следующего содержания: «Горловка сообщает, что 300 казаков окружили станцию. Дали по народу залп. Убитых много, раненые лежат. Просим немедленной помощи. Из Харцизска и Дебальцева выехали дружинники. Просят вас сейчас же экстренно ехать в Горловку на выручку».

Несмотря на эти телеграммы, Динега и его дружинники не решались немедленно ехать в Горловку. Предприятие казалось явно безнадежным. Бой с войсками в открытом месте не обещал успеха. Решение вопроса перенесли в совместное заседание главарей дружин с забастовочным комитетом. На этом совещании при голосовании голоса поделились поровну. Совещание затянулось. Затем обсуждение вопроса было внезапно прервано известием, что в нескольких верстах от Гришина будто бы появился полк солдат. Командиры дружин немедленно разошлись, чтобы занять посты для встречи солдат. Динега же послал в Горловку на паровозе двух разведчиков. Вскоре оказалось, что слух о появлении войск у Гришина не верен и тревога напрасна. Часа через два разведчики телеграфировали в Гришино, что в Горловку с'езжаются боевые дружины со всех станций Донецкого бассейна и требовали, чтобы гришинские

и авдеевские дружины немедленно выезжали на поддержку. По получении ее в Гришине была произведена тревога паровозными свистками и выстрелами. На них собрались гришинские и авдеевские дружинники с винтовками, охотничьими ружьями, револьверами и шашками, забрав с собой все запасы вооружения, хранившиеся в их арсенале. Захватили с собой также несколько ящиков с патронами и динамитом. Не забыли также и пушку, которую установили на тендере. Динега отправился со всеми своими товарищами во главе авдеевской и гришинской дружин. С ними отправилась и учительница гришинского железнодорожного училища Лидия Доброва. В Горловке Динега вел общее командование боем, подробности которого нами описаны ниже.

После поражения гришинцы возвратились к себе на станцию небольшими группами, в поездах и даже пешком. Динега был привезен убитым. Доброва была ранена и вскоре умерла. Был в этом бою ранен в правую ногу и доставлен потом в горловскую больницу Владимир Шмуйлович, впоследствии казненный. Участвовал также в составе гришинской дружины в горловском бою и Петр Бабич, также казненный по этому делу.

После поражения в Горловке гришинцы были тем более угнетены, что лишились своего вождя. Они организовали похороны Динеги и Добровой. Прошли похороны уныло, хотя толпа собралась огромная. Раздавались революционные песни, были

красные флаги, но все это не поднимало настрение, а давило.

О вооруженном сопротивлении дальше уже не было речи. Разговоры, беседы и совещания уже направлялись на вопросы о том, что будет, насколько жестока будет расправа? Все, кто чувствовал себя окончательно скомпрометированным, стали скрываться. Забастовочный комитет без Динеги потерял влияние и авторитет.

18 декабря, во время заседания комитета в здании библиотеки, помимо его воли было созвано общее собрание служащих на станции. Всем было ясно, что дело уже проиграно. Большинство собрания требовало уничтожения баррикад и отсылки оружия, оставшегося после горловского боя, в Екатеринослав для сдачи властям. Многие порицали поездку дружинников в Ясиноватую и в Горловку. От забастовочного комитета требовали об'яснений по этому поводу. Особенно много было нападок на тех двух комитетчиков, которые были посланы Динегой в Горловку в качестве разведчиков и телеграфировали оттуда о приезде гришинской и авдеевской дружин на помощь.

В виду такого положения забастовочный комитет сложил свои полномочия. С этого момента все движение было окончательно дезорганизовано и быстро пошло на убыль. Но все же более упрямые и убежденные люди хотели его продолжать и настаивали на избрании нового распорядительного комитета. Для этой цели ими были созваны собрания служащих 19 и 20 декабря, на которых им

удалось, наконец, наскоро создать новый комитет. Интересно, между прочим, отметить, что вечером 20 декабря этот комитет устроил заседание в здании библиотеки для товарищеского суда над начальником станции и еще двумя служащими за их противодействие забастовке. Как и следовало ожидать, из этого суда ничего не вышло. Заседали до поздней ночи и, в конце-концов, решили отложить решение до следующего дня, а утром 21 декабря станция Гришино была занята войсками. Начались обыски и аресты.

22 декабря рабочие депо приступили к работам, хотя перед началом их выступали ораторы и требовали, чтобы они продолжали забастовку, пока не будут освобождены арестованные войсками товарищи.

На следующий день почти по всей линии Екатерининской железной дороги возобновилось движение поездов.

*

IV. События на станции и в поселке Горловка.

Станция Горловка была единственным местом во всем Донецком бассейне, где декабрьское восстание закончилось открытым боем с войсками.

С самых первых дней после манифеста 17 октября события, происходившие здесь, имели более глубокое содержание. В Горловке находятся одни из самых больших и самых старых рудников Донецкого бассейна, принадлежавшие тогда южнорусскому обществу промышленности. Здесь же имеется большой машиностроительный завод. Сама Горловка представляла собой большой поселок, в котором было сосредоточено много заводских и рудничных рабочих. Среди них с давних пор велась революционная работа и, естественно, здесь рабочие играли преобладающую роль, по сравнению с железнодорожными служащими. Здесь, между прочим, еще с октября месяца выдвинулось на первый план требование о передаче рабочим всех фабрик и заводов. Обвинительный акт приписывал выставление его энергичному и талантли-

вому революционеру-организатору и пропагандисту Зубареву-Кузнеоцву (впоследстви казненному по этому делу), а не той готовой и восприимчивой среде, в которой он работал. Зубарев-Кузнецов, будто бы, использовал настроение рабочих в своих целях, когда в действительности он только угадывал его и отчетливо формулировал давно усвоенные распропагандированными рабочими требования, под знаком которых в окончательном итоге и прошла вся наша революция.

«Если собственники не желают отказаться от части своего дохода для поддержания нормального хода работ в тяжелое время, — говорил Зубарев-Кузнецов,—то рабочие могут заставить их это сделать, ибо завод создан потом и кровью рабочих и должен составлять их, а не капиталистов, неот'емлемое достояние».

Или дальше:

«Единственный путь, идя которым рабочие могут добиться улучшения своего экономического положения, состоит в том, чтобы низвергнуть правительство, созвать учредительное собрание и поставить во главе выборных от народа».

Распропагандированные железнодорожники тоже произносили «горячие речи, в коих призывали собравшихся поддержать всеобщую политическую забастовку и возбуждали к борьбе с правительством для немедленного ниспровержения его и отобрания земель, заводов, рудников и фабрик у помещиков и капиталистов».

Такого рода требования играли в Горловке глав-

ную роль и поднимали революционное настроение несравненно сильнее, чем все призывы к сохранению свобод, дарованных манифестом 17 октября. Они же при первом столкновении с заводской администрацией привели к открытому бою с войсками. Только участие в событиях значительного числа рабочих машиностроительного завода дало дружинникам, собранным с разных станций Донецкого бассейна, возможность рассчитывать на сопротивление двинутым в Горловку войсковым частям.

С другой стороны, именно горловские события должны были привлечь внимание Столыпина и побудить его к таким тяжким репрессиям, каким за декабрьскую забастовку железнодорожники по суду нигде не подвергались. Даже военная расправа Ренненкампфа и Меллера-Закомельского на Сибирской железной дороге являлась военным налетом, следовавшим непосредственно за событиями, и была рассчитана только на немедленое прекращение забастовки. В данном же случае, террор был пущен в ход через три года после событий, повидимому, по инстинктивному ужасу перед социальной революцией, призрак которой уже тогда вставал в событиях, подобных горловским.

Внешняя последовательность этих событий представляется в следующем виде.

Еще 1 декабря, т. е. за неделю до железнодорожной забастовки, директор Горловского машиностроительного завода, бельгийский инженер Лоэст, об'явил рабочим, что, вследствие «беспоряд-

ков», происходивших в России, в делах завода наступил кризис. Заказчики не платят денег за исполненные заказы, торгови изделиями завода нет, и поэтому завод не может итти прежним ходом. Полагая, что кризис временный, дирекция завода не хочет рассчитывать рабочих, но должна сократить производство. Вместо рабочего дня в 10 час., об'является 6-часовой, с соответствующим уменьшением заработной платы на 40%.

Рабочие, подавленные в первый момент этой мерой, согласились было работать на новых условиях. Но затем их настроение быстро и резко изменилось. В тот же день рабочие прекратили работу, организовали митинг и демонстрацию с пением марсельезы. В ответ на это появилось об'явление директора завода, что те рабочие, которые не согласны работать по 6 часов с соответствующим понижением заработной платы, приглашаются получить через две недели, т. е. 17 декабря, полный расчет.

Одновременно с забастовкой на заводе началось движение и на рудниках южно-русского общества промышленности. Хотя работы на них не были прекращены, но по вечерам в здании рудничного училища стали ежедневно происходить собрания и митинги, на которых обсуждалось общее политическое положение и все вопросы местной борьбы с рудничной и заводской администрацией.

В таком состоянии готового каждую минуту разразиться взрыва застала Горловку телеграмма с призывом начать вторую всеобщую политическую

забастовку. Можно представить себе, как она подняла и накалила и без того возбужденное настроение. Получена она была вечером 8 декабря. Всю ночь работали гектографы и пишущие машины. И еще до зари на станции, на заводе, на рудниках и по всему поселку были расклеены афиши, приглашающие рабочих и служащих станции, завода и рудников и всех жителей поселка на общий митинг в станционном здании, который должен был начаться в 10 часов утра. С раннего утра 9 декабря на станции и вокруг нее толпилось много народа. Затем в зале II класса состоялся очень многолюдный митинг. Помещение не вмещало всех желавших присутствовать. Очень многие оставались во дворе и на платформе. На митинге читались телеграммы из Москвы, Екатеринослава и с разных станций Донецкого бассейна. Ораторы призывали всех сплотиться в решительной борьбе с правительством. Представители рудничных и заводских рабочих делали заявления, что они об'единяются с железнодорожными служащими и будут поддерживать их. Эти заявления встречались восторженными одобрениями.

После митинга работы на станции прекратились. Пропускались только проходившие в этот день поезда. Вечером, часов в 8, в том же зале состоялся новый митинг, на котором одних рудничных и заводских рабочих и железнодорожных служащих было не меньше 2.000 человек, и они заполняли все смежные помещения станции. На этом митинге ораторы доказывали, что все должны поддержать

начатую по всей России всеобщую политическую забастовку в целях немедленного ниспровержения правительства и «возбуждали к отобранию земель, заводов, рудников и фабрик у помещиков и капиталистов». Здесь же было постановлено прекратить с 12 часов ночи всякое движение поездов. На этом же митинге был избран распорядительный забастовочный комитет, который немедленно вступил в управление станцией.

«С 10 декабря —как значилось в обвинительном акте —станция Горловка со службами фактически перешла во власть забастовщиков, а законная администрация станции была устранена и вместе с благомыслящими служащими терроризирована забастовщиками...»

В тот же день явился в Горловку с Петровских заводов, при станции Енакиево, третий вождь декабрьского восстания Ткаченко-Петренко, талантливый и непримиримый революционер, представлявший в судебном процессе другую равнозначащую с Зубаревым-Кузнецовым фигуру. По утверждению обвинительного акта, «распорядительный комитет станции Горловки по всем вопросам управления станцией совещался с ними обоими, а также с делегатами от заводских и рудничных рабочих». Иными словами, движение в Горловке, начатое еще раньше заводскими рабочими, продолжалось теперь соединенными силами всех его участников или всех слоев пролетариата, т. е. и железнодорожных служащих и рабочих. Его несомненными вож

дями стали Зубарев-Кузнецов, Ткаченко-Петренко и Динега.

При таких общих условиях и при таких вождях совершенно понятно, что события в Донецком бассейне в революционном смысле должны были далеко оставить за собой не только то, что происходило на глухих, окраинных станциях Екатерининской железной дороги, но и далеко опередить такой большой промышленный центр, как Екатеринослав.

Из отдельных событий в Горловке надо отметить следующие.

Интересным моментом здесь надо считать грандиознейшие митинги, происходившие на станции у пакгаузов в течение 10 и 11 декабря, на которых присутствовали до 5 тысяч человек, а может быть и больше, заводских и рудничных рабочих и масса окрестных крестьян, приезжавших в Горловку, главным образом, для того, чтобы узнать, «что делается на свете». Чтобы облегчить крестьянам участие в митингах, горловские железнодорожники в эти дни снаряжали особые поезда по всем рудничным веткам и развозили их участников по домам. Основной темой ораторов в эти дни был тезис о необходимости вооруженной борьбы с правительством. По утверждению обвинительного акта, «на митингах говорилось о необходимости отобрать в пользу народа вообще, и рабочих в частности, помещичьи, монастырские и кабинетские земли, а также рудники, заводы и фабрики».

Очень заботило горловский распорядительный комитет во все время забастовки отношение с шахтерами, представлявшими весьма горючий, но и очень ненадежный материал, который, как казалось, в некоторой своей части мог быть использован противником для организации погромов. Когда была об'явлена железнодорожная забастовка, рабочие заводов и служащие рудников немедленно присоединились к забастовавшим железнодорожным служащим. Тогда Зубарев-Кузнецов собрал на одной из частных квартир заседание комитета с делегатами от рабочих и служащих завода и рудников и здесь решительно заявил, что забастовка на заводе и на рудниках начата неожиданно и совершенно несвоевременно, что вообще рудники и заводы Донецкого бассейна в этот момент не бастуют, и потому, оглядываясь на своих товарищей, рабочие рудников в Горловке могут сорвать забастовку. Кроме того, шахтерам необходимо заработать денег с тем, чтобы ехать на родину на праздники, и забастовка может вызвать среди них очень нежелательные осложнения. В виду этого, Зубарев-Кузнецов предложил забастовку на заводе и рудниках немедленно прекратить и об'явить, что она была организована с демонстративной целью, чтобы выразить сочувствие и оказать поддержку железнодорожникам. После этого собрания утром работы на заводе и на рудниках возобновились, а железнодорожная забастовка на станции Горловка продолжалась своим порядком.

Из событий в Горловке, предшествовавших бою, еще должно быть отмечено происшествие с 5-й ротой 136 пехотного Таганрогского полка. Вечером 12 декабря эта рота неожиданно прибыла на станцию Горловку в то время, когда на ней никого не было, и начальник станции разместил ее в зале I и II классов. Среди забастовщиков это вызвало протесты. Молчаливо терпеть занятие такой позиции, как станционное здание, вооруженными солдатами они не могли. Пребывание на станции вооруженной войсковой части должно было или немедленно вызвать вооруженное столкновение или повлечь сдачу и отступление. Но в первый момент комитет принял «дипломатическую» меру. Он приказал станционным сторожам не топить печей в зале, вылить керосин из ламп, не ставить самоваров и запереть все служебные помещения, и одновременно послал начальнику 34 пехотной дивизии, в распоряжении которого находилась эта рота, и бахмутскому исправнику, а также местному жандармскому ротмистру следующую телеграмму: «Требуем немедленно убрать войска со станции Горловка, во избежание кровавого столкновения». В ответ на это начальник дивизии вечером 13 декабря распорядился отправить роту на станцию Никитовку, в 6 верстах от Горловки, но комитет отказался дать ей поезд. Тогда она отправилась в Никитовку пешком.

Деятельность горловского комитета по вооружению дружинников также весьма любопытна.

Еще задолго до забастовки заводские рабочие собирали деньги на вооружение и создали само-

оборону на случай нового нападения хулиганов. Это было тем легче сделать, что торговцы, лавки которых были разграблены в октябре, охотно жертвовали им деньги на приобретение оружия. Для организации самообороны собирались также деньги среди заводской администрации и служащих. Таким образом, в Горловке была создана довольно большая дружина.

Зубарев-Кузнецов не уставал собирать деньги на самооборону, и по его поручению это производилось на каждом митинге. Кроме того, среди конторских, рудничных и заводских служащих было собрано 609 рублей. 100 рублей было получено даже от директора машиностроительного завода Лоэста. 300 рублей, как выяснено было на следствии, были получены из станционной кассы у начальника станции под оставленную ему взамен денежную расписку. Сколько денег было собрано с торговцев и жителей поселка, осталось невыясненным, так как они, естественно, конспирировали свои пожертвования, боясь судебной ответственности. Затем был снаряжен паровоз со специальным вагоном, в котором два члена комитета ездили в Таганрог покупать оружие, доставлявшееся туда контрабандой из-за границы. Они вернулись в Горловку, но привезли с собой только часть купленного ими, потому что по дороге дружинники станции Харцызск другую часть оружия выпросили для себя. Затем, как и на других станциях, играли большую роль охотничьи ружья, собранные со всего поселка, и самодельные пики.

Приведенный подочет сумм и оружия надо считать далеко не полным. Все скрывали на следствии свое участие, да никто точно и не знал количества имевшегося вооружения. Одно только несомненно, что свое вооружение горловцы считали недостаточным и слабым, по сравнению с дружиной станции Гришино.

★

V. Горловский бой.

Хотя, как описано выше, все складывалось так, что рабочие Донецкого бассейна и бастовавшие служащие Екатерининской железной дороги роковым образом должны были вступить в открытую борьбу с посылавшимися против них воинскими частями, но до самого последнего дня никто не знал, как и где разыграется сражение. Для него нужен был повод. Нужен был какой-то провокационный случай, от которого участники событий должны были вспыхнуть, как порох, и броситься в бой, на успех которого ни у кого из них не могло быть обоснованной надежды.

Этот повод был спровоцирован, с одной стороны, директором машиностроительного завода, бельгийским инженером Лоэстом, а с другой—местным полицейским приставом Немировским, которого в течение всего движения стачечный комитет не трогал, как бы забыв принудить его удалиться из Горловки вместе со станционными жандармами, подобно тому, как и общая жандармская полиция долго оставалась нетронутой забастов-

щиками и на всех других станциях и во всех поселках Донецкого бассейна.

Накануне 17-го декабря, т. е. того дня, когда по об'явлению инженера Лоэста должны были быть рассчитаны все рабочие, не желавшие принять 6-часового рабочего дня с сокращением платы на 40%,—Зубарев-Кузнецов и сорганизованные им рабочие решили заставить Лоэста отказаться от этой меры. Часов в 11 утра Кузнецов со своим активом, в числе около 20 человек, явился в контору завода и все прошли прямо в кабинет Лоэста. Последний сначала хотел было увильнуть от переговоров и сбежать из кабинета, но рабочие закрыли двери, и он вынужден был об'ясняться. Пока происходили эти об'яснения, вокруг конторы собралось человек 400 рабочих. Зубарев-Кузнецов пред'явил от имени их всех требование отказаться от расчета не подчинившихся приказу директора рабочих и продолжать работать на прежних условиях. Лоэст заявил, что он согласен и постарается уладить дело со своим правлением. Впоследствии, на допросе у следователя и в суде, Лоэст уверял, что он никогда не думал серьезно исполнить это требование, а согласился на него только потому, что был вынужден под угрозой насилий над собой. Рассказывали, что, будто бы, когда Лоэст отказался удовлетворить требование, Зубарев-Кузнецов схватил его за лацканы сюртука или даже за горло. Повидимому, кто-то из служащих завода дал знать по телефону приставу Немировскому о происходившем в кабинете Лоэста. Очень

быстро завод оказался окруженным нарядом полиции во главе с приставом и отрядом драгун в 90 человек, которые постоянно квартировали в Горловке и имели там свои казармы. Узнав об этом, рабочие потребовали от Лоэста, чтобы он гарантировал им беспрепятственный выход с территории завода. Лоэст и на это согласился. В сопровождении депутатов от рабочих, бледный, с перекошенным лицом, он вышел к офицеру, командовавшему отрядом, и к приставу Немировскому и в присутствии рабочих заявил им, что он согласен на все требования рабочих и пойдет обратно в контору для окончания с ними переговоров. Затем, уже из конторы, Лоэст переговорил еще раз по телефону с Немировским и заявил, что он получил согласие и обещание, что рабочие будут пропущены вместе с ним—Лоэстом, и во главе всей массы рабочих, находившихся в то время на заводе, направился к воротам. Но едва они подошли, как Немировский обратился к рабочим с требованием выдать Кузнецова и отпустить директора, угрожая рабочим стрельбой. Произошла заминка, которой Лоэст ловко воспользовался и быстро перебежал расстояние между воротами и отрядом драгун, окружавшим полукругом выход с завода. После этого Немировский еще раз пригрозил стрельбой, требуя выдачи Зубарева-Кузнецова. А когда в ответ на это раздались негодующие крики, то немедленно последовал залп. Несколько человек было убито и около 20 ранено. Рабочие бросились врассыпную, драгуны их преследовали.

У Зубарева-Кузнецова была прострелена рука, но он скрылся. Вечером, в тот же день он был доставлен товарищами в заводскую больницу к доктору Шошникову, который его укрыл и сделал ему ампутацию руки. А часов около 10, по инициативе Зубарева-Кузнецова, комитет разослал телеграмму по всем станциям, заводам и рудникам Донецкого бассейна, в которой сообщалось о стрельбе в безоружных рабочих и содержался призыв немедленно прибыть в Горловку для вооруженного отпора драгунам. В одной из таких телеграмм значилось: «Енакиево. Боевой дружине. Мы все без оружия, требуем немедленной помощи со всех сторон. Комитет». Были вызваны таким путем боевые дружины со станций Дебальцево, Енакиево, Ясиноватой, Авдеевки и Гришино.

Очень быстро вслед за этими телеграммами первыми прибыли в Горловку поезда с боевыми дружинами со станций Енакиево и Харцызск. При этом случилось так, что с поездом харцызской дружины возвратились в своем вагоне ездившие в Таганрог за оружием горловские комитетчики. Очень скоро, вслед за двумя этими поездами прибыли дружины со станций Ясиноватой и Дебальцево. Нужно вообще сказать, что мобилизация дружинников в этот вечер (16 декабря) происходила с необычайной быстротой, и также быстро они были переброшены в особых поездах со своих станций в Горловку. Таким образом, в течение вечера на станцию прибыло около 8 поездов с дружинниками, которые были вооружены револь-

верами, ружьями и в очень небольшом числе винтовками, отобранными у солдат (около 50 штук), берданками, купленными в казенных складах, шашками военного образца и в главной массе самодельными пиками. Общая численность всех собравшихся из различных концов Донецкого бассейна рабочих с разного рода оружием была, по единодушному свидетельству участников, до 3.000 человек, хотя точного учета их никто не производил. В течение всей ночи на станции шли совещания вождей с'ехавшихся дружин, при чем все сознавали, что вооружение у них весьма плохо и дожидались приезда Гришинской дружины, у которой, по общему убеждению, должны были быть винтовки. Надо сказать, что сомневавшихся в возможности успеха было довольно много, и не один из дружинников остался ожидать боя только из чувства долга и товарищеской солидарности. А боевая дружина со станции Ясиноватой решила, что давать бой с такими силами нельзя, и ночью же вернулась обратно в Ясиноватую. После ее от'езда вожди остальных боевых дружин долго совещались о том, что делать. Главный вождь вооруженных сил дружинников Динега не сочувствовал принятию боя в Горловке.

Наконец, около 7 часов утра 17 декабря на станцию Горловку прибыли один за другим два поезда, один с Гришинской, другой с Авдеевской боевыми дружинами, и с их приездом настроение сразу поднялось. Было созвано очень короткое совещание. Вслед за ним дружины были разбиты на отря-

ды и решительно двинулись в поселок для нападения на драгунские казармы. Один из этих отрядов занял надшахтное здание шахты № 1, второй—эстокаду и отвалы породы около этой шахты, высотой метров 20. Занятые таким образом дружинниками позиции были очень недурно естественно защищены и представляли большие удобства для обстрела драгунской казармы (см. чертеж ситуации Горловского боя и вид станции Горловки, снятый в 1905 г. с трубы надшахтного здания).

На этих позициях расположилась основная масса дружинников, а два небольших отряда, скрывшись за заборами, двинулись к казарме драгун. К 8 часам утра все эти приготовления были закончены, и дружинники начали обстрел казарм сразу со всех своих позиций. Но, так как все эти приготовления на станции шли совершенно открыто, то для войсковых частей это нападение не было неожиданным. Начальник отряда был предупрежден о том, что в Горловку с'езжаются вооруженные дружинники и принял свои меры. Находившийся под его командой отряд состоял всего из одной сводной роты 136 пехотного Таганрогского и 135 пехотного Керчь-Еникальского полков, общей численностью в 114 человек, и команды драгун 23 драгунского Вознесенского полка в числе 90 сабель. На подкрепление, как выяснилось впоследствии, он вытребовал еще отряд казаков. Едва начался обстрел, как начальник этого воинского отряда дал несколько залпов по заборам, за ко-

торыми засели стрелявшие дружинники, затем он быстро собрался и стал, отстреливаясь, медленно отступать в степь в направлении на станцию Енакиево, расположенную верстах в 20 от Горловки (см. схему боя).

Когда войска стали отступать, среди дружинников началось ликование. Этот отход войск они истолковали, как свою победу, и очень усилили огонь по ним, который был уже безвреден вследствие дальности расстояния. Затем часть дружинников бросилась на конный двор и в казармы и разгромила их.

Тем временем войска, выйдя в степь, соединились там с полусотней казаков в составе 60 человек, которая была выслана в помощь им с Петровских заводов из Енакиево. Встреча их произошла в степи, где-то между рудничной колонией и станцией Енакиево. Тогда соединенный отряд сделал глубокий обход и зашел в тыл станции Горловки через лес, расположенный за нею (см. чертеж и вид). Здесь драгуны и казаки спешились, после чего войска повели правильное наступление на станцию, обстреливая станционные постройки, мост, перекинутый через жел.-дор. пути, и надшахтное здание шахты № 1, где засели и откуда отстреливались дружинники. Под прикрытием обстрела с моста и с надшахтного здания, большая часть дружинников вышла навстречу войскам, и на территории станции произошло решительное сражение, которое часам к 3 дня окончилось разгромом рабочих дружин. Тогда, находившиеся в стан-

ционном здании и около него дружинники выбросили белый флаг и послали в качестве парламентера, для установления условий сдачи, вождя Гришинской дружины, учителя Динегу, но не доходя линии противника, он был убит. В это время те, кто находились на мосту и в надшахтном здании, пользуясь затишьем, поспешили сесть в стоявшие на станции наготове поезда и в них быстро раз'ехались по своим станциям. Те же, кто не успел этого сделать и имели в руках пики, с которыми не было возможности сопротивляться войскам, сдались. Таких было около 500 человек. Их окружили казаки, поставили на колени и потребовали, чтобы они несколько раз пропели «боже царя храни», а затем отпустили по домам.

Вместе со сдавшимися дружинниками в станционном здании был окружен войсками импровизированный лазарет, в котором помогали раненым «братья и сестры милосердия». Их никто не тронул и они уехали потом из Горловки в своем санитарном вагоне.

После боя казаки и войска вместе с драгунами и пехотой и всей полицией ушли из Горловки в направлении на Енакиево.

Уезжая в поездах, дружинники увезли с собой большинство раненых и убитых. Поэтому точно численности потерь рабочих в Горловском бою установить нельзя, но по подсчету участников событий в ближайшие дни после боя, устанавливалась цифра убитых свыше 200 человек.

После от'езда дружинников и ухода войск в течение 4 дней в Горловке стояла совершенно мертвая тишина. В эти дни были только организованы похороны жертв вооруженного столкновения рабочих Донецкого бассейна и железнодорожников с войсками. В заводской столовой были собраны тела 26 убитых 16 декабря во время расстрела у ворот завода и оставшихся на поле сражения. Они были уложены в красные гробы. Подняв их на плечи, товарищи несли их в страшную снежную метель на кладбище. А вокруг гробов огромная многотысячная толпа рабочих под дикое завывание метели пела похоронный марш: «Вы жертвою пали в борьбе роковой».

Все составлявшие шествие напряженно ожидали каждую минуту нападения, приготовления к которому могли быть легко скрыты в белой снежной мгле.

Никто не знал, куда ушли и вообще ушли ли войска, где они находились и что думало предпринять победившее в борьбе начальство. Все напряженно ждали репрессий и расправ, и всем казалось, что во время похорон, скорее всего, могут совершиться новые расстрелы рабочих.

Общая картина была необычайно жуткая, а самый момент опускания гробов в братскую могилу без речей, без пения, в полной тишине, нарушавшейся только заунывными песнями метели, прошел особенно трагично.

И тотчас вся толпа с кладбища уныло разбрелась по своим норам...

★

VI. После восстания.

При ликвидации декабрьского восстания все действительные революционеры, участвовавшие в нем, приняли меры к тому, чтобы укрыться до лучших времен, и большинство из них действительно укрылось, так как в тогдашних условиях это было нетрудно сделать. Все же рядовые участники восстания, составлявшие его главную массу, разошлись по своим квартирам и, когда начались аресты, быстро заселили собою все местные тюрьмы и всякие местные временные места заключения, вроде бывших земских арестных домов, и для них настала долгая и мрачная полоса безмерных физических и моральных страданий. В первые месяцы ареста, в начале 1906 г., когда правительство еще держалось колеблющейся политики и проводило выборы в I Государственную думу, был учрежден на Екатерининской железной дороге особый комитет для разбора степени виновности арестованных. Так как главной целью этого комитета было восстановление нормального железнодорожного движения, чего без помощи бывших забастовщиков он

никак осуществить не мог, то переговорами с судебными и охранными властями комитет этот достиг того, что большая часть их были признаны «формально благонадежными» и возвращены на прежние места. И они вернулись к своей прежней подневольной жизни, но с совершенно новым душевным состоянием. Все они жили еще памятью о пережитом, которое многих из них очень подняло морально. И хотя одновременно с возвращением на места было начато о них у следователей судебное дело, или, как тогда называли, предварительное следствие, но, находясь на свободе под небольшими залогами или просто под поручительством, они поначалу не чувствовали тревоги за свое будущее. К делу было привлечено около 300 человек, из которых, за исключением небольшой группы известных и раньше охранке революционеров, остальные были освобождены из заключения. В этот момент те из освобожденных, которые чувствовали себя скомпрометированными, постарались рассеяться по всему свету и оказались в эмиграции в Америке или в Европе. Тогда судебные власти обо всех скрывшихся напечатали публикации о розыске в сенатских и в местных губернских ведомостях, а о всех оставшихся на своих служебных местах продолжали, не спеша, вести предварительное следствие. При таких обстоятельствах политический интерес к этому делу быстро исчез: в глазах местных властей все было, по существу, уже ликвидировано. Дальше дело потекло в порядке обычной канцелярской волокиты. Следова-

тели рассылали повестки, допрашивали свидетелей (около 2.000 человек), рассеянных по всей России, допрашивали обвиняемых и никак не могли закончить бесконечных допросов всех этих людей. Таким образом, события, происходившие в декабре 1905 года в Донецком бассейне, можно сказать, попали в политический архив. Но канцелярский порядок, как известно, в нашем старом государстве был всегда неумолим. Раз начатое предварительное следствие продолжало итти. Для допроса свидетелей оно начало странствовать по канцеляриям, по следователям и прокурорам, по всей России, и так пробродило по ней больше 2 лет. В течение всего этого времени обвиняемых, выпущенных на свободу под залоги, под поручительство или подписку о невыезде, никто не беспокоил,—ни судебные, ни жандармские, ни охранные власти,—и они служили на той же самой дороге и, в большинстве случаев, на тех же самых станциях, где участвовали в восстании, ведя попрежнему свои служебные и личные дела. Многие из них почти не тревожились за будущее и в значительной степени утратили из памяти подробности своего участия в событиях.

Между тем, предварительное следствие все не кончалось.

Но вот весной 1908 г. делом «о захвате раволюционерами Екатерининской жел. дороги», как оно официально называлось, по каким-то политическим соображениям, повидимому, просто потому, что долго уже не было больших, производящих жуткое

впечатление расправ, заинтересовался всесильный в то время Столыпин. Вероятно, кто-то из чиновных карьеристов обратил его внимание на это дело. И тотчас началась очень сложная и деятельная телеграфная и канцелярская переписка между гражданскими и военными губернаторами, между судебными властями и прокуратурой, между директором департамента полиции Вуичем и генералом Каульбарсом, командовавшим тогда войсками одесского военного округа, и самим Столыпиным о том, чтобы направить это дело к военной подсудности для суждения по законам военного времени. С необычайной изворотливостью и искусством изыскивались формальные доказательства того, что такое направление дела не будет нарушением закона. Особенно старались обойти то препятствие, что Екатеринославская губерния и весь район Екатерининской железной дороги были об'явлены на военном положении только с 20 декабря 1905 г., тогда как все события разыгрались между 8 и 17 декабря, т. е. все было закончено за три дня до издания этого приказа. То очень ловко, то совсем грубо гнули закон, куда хотели, и добились своего: дело, как бы само собой, просто «по закону» и по порядку оказалось, наконец, у прокурора Одесского военно-окружного суда.

Судебный следователь, руководивший этим делом, считая его неважным, и чтобы иметь возможность, как от него требовали власти, освобождать обвиняемых под небольшие залоги, под поручительство или подписку о невыезде, привлекал всех

их по 129 132 и 126 статьям Уг. Ул., т. е. за агитацию, за произнесение речей, за распространение прокламаций или, наконец, за принадлежность к противоправительственному сообществу, ставящему своей целью ниспровержение самодержавия «в более или менее» отдаленном будущем, как выражался тогда сенат в своих раз'яснениях. По этим статьям обвиняемым грозило заключение в крепости и, лишь в крайнем случае, ссылка на поселение. В военном суде положение сразу изменилось. Помощник военного прокурора Одесского военно-окружного суда капитан Шевяков составил обвинительный акт, по которому большинству было пред'явлено обвинение по 102-й ст. Уг. Ул., а по отношению к 71 лицу даже по 100-й ст. Уг. Ул. Это означало, что большинству обвиняемых угрожала каторга, а некоторые из них, при условии особо жестокого отношения суда, очутились под угрозой смертной казни. В таком виде обвинительный акт был утвержден генералом Каульбарсом 14 января 1908 г. В течение весны и лета того же года копии его вручили обвиняемым, продолжавшим и после получения обвинительного акта служить на различных станциях Екатерининской железной дороги и работать на заводах и рудниках, так как даже те из них, которым была пред'явлена грозная 100-я ст., не были заключены под стражу. Оставление на свободе, примеры других железнодорожных процессов, а, главное, собственное привычное уже 2-летнее отношение к делу внушили им мысль о том, что угроза смертной казнью не-

серьезна. Ту же точку зрения, повидимому, имели тогда и прокурор Одесского военно-окружного суда, и сам командующий войсками: иначе, конечно, они не оставили бы обвиняемых на свободе. Повидимому, также ни суд, ни местное начальство не были осведомлены о настоящих замыслах Столыпина и департамента полиции. Многим казалось, будто дело попало в военный суд действительно только по формальным причинам, или, точнее, в силу лишь того, что Екатеринославская губерния была на военном положении.

Получив обвинительный акт, обвиняемые забеспокоились о защите и обратились к адвокатам. По их советам были поданы ходатайства о вызове свидетелей, о допущении избранных ими защитников и пр. В ответ все получили сообщения, что суд удовлетворил их ходатайства и вызовет в заседание суда всех тех лиц, показаниями которых они предполагали оправдываться. Шли снова дни и недели. Поднятое обвинительным актом беспокойство улеглось и снова все ушли в свои служебные дела и домашние заботы. Так прошло время до осени 1908 г., когда в столичных газетах, в хронике, как бы вскользь, мелким шрифтом, появилось сообщение, что скоро в Екатеринославе Одесский военно-окружной суд будет разбирать это дело и что всем обвиняемым вместо 102-й ст. Уг Ул. в судебном заседании прокуратура имеет, по предложению главного военного суда, предявить обвинение по 100-й ст. и 279 ст., карающим смертной казнью. Сообщалось дальше, что пред-

седательствовать будет военный судья генерал-майор В. А. Лопатин. Про жестокость этого судьи в Екатеринославе знали по нескольким прежним его приговорам. Но замечательно, что и после этого судебные власти не тронули обвиняемых, не изменили меры пресечения, и они продолжали служить на своих железнодорожных станциях. Всех их облетело газетное сообщение, все было встревожились, но в глубине души все-таки не поверили, что суд действительно поставит их под угрозу смертной казни и что вообще такая расправа может на деле случиться. Многие пошли к своим защитникам и от них узнали, что по закону нельзя менять обвинения в сторону отягчения его в самом судебном заседании, так как это делает обвиняемого почти беззащитным, — что и на практике при всех репрессиях за события 1905 г. таких случаев еще не бывало. И защитники, и обвиняемые писали друзьям и знакомым в Петербург, наводили справки, но никаких новых сведений не получали. Все как будто заглохло, как будто там опять никто не интересовался делом, точно газетное сообщение о висельных статьях выплыло случайно; никаких новых сообщений в газеты не проникало.

Наконец, уже в октябре 1908 года обвиняемые получили повестки о явке в суд на 7 ноября. Недели за две до этого срока в Екатеринославе открылась канцелярия военного суда в помещении здания арестантских рот на тюремной площади. Одновременно с'ехались все судьи и оба проку-

ора: подполковник Филимонов и капитан Шевяков. Защитники отправились к председателю — генералу Лопатину — за пропусками к тем нескольким обвиняемым, что сидели в тюрьме. При первом же обращении защиты Лопатин произвел впечатление крайнего возбуждения и взвинченности. В деловой беседе без всяких внешних поводов он терял равновесие, а когда осторожно спросили его о газетном сообщении, будто в судебном заседании будет пред'явлено новое обвинение, он вспыхнул и отвел вопрос резким заявлением, что вне судебного заседания не может разговаривать о деле с защитниками. Адвокаты насторожились, и хотя по закону и по практике нельзя было пред'явить нового обвинения в судебном заседании по 100-й ст., даже страшной 279 ст., но они знали в то же время, что бывает и то, чего не должно быть. В канцелярии секретари явно конспирировали и отзывались неведением.

Когда с'ехались обвиняемые, защитники во многих случаях давали им прямые советы скрыться отсюда, но они почти все, за исключением очень немногих, пошли на суд, несмотря на то, что каждый из них, если не мог скрыться совсем, то, во всяком случае, мог легко на время процесса уклониться от судебной расправы, а во всяком новом составе суда приговор был бы мягче.

Наконец, наступило 7 ноября. Вся площадь пред зданием арестантских рот была окружена конными и пешими городовыми. Внутри двора дежурили воинские караульные части. За цепь из поли-

цейских никого не пропускали, кроме обвиняемых, у которых были повестки, и огромного количества свидетелей, вызванных ими и судом — всего около 2.000 человек. Едва обвиняемые, бывшие на свободе, проходили за цепь, как их направляли в здание арестантских рот и обратно уже не выпускали. Перед открытием заседания суда их рассадили в зале, окружив тесным кольцом конвойных с шашками наголо.

Часов в 12 дня открылось судебное заседание. Тотчас же прокурор, подполковник Филимонов, встал и сделал заявление, что по предписанию главного военного суда он пред'являет ко всем новое обвинение по 100-й ст. Уг. Ул. и по 279 ст. 22-й книги Свода военных постановлений, так как в обвинительном акте деяние подсудимых квалифицировано неправильно. Ожидая этого и приготовившись, защитники энергично возражали против этого требования, доводя до очевидности всю его незаконность. Но судьи слушали их нетерпеливо, а Лопатин постоянно обрывал их речи, заявляя резко, что суд сам знает законы, и прося сократить по возможности эти об'яснения. Едва защитники кончили, он, не давая прокурору возразить, об'явил заготовленное заранее постановление суда: все наличные подсудимые, значилось в нем, за исключением одного—Гавриила Руденко-Косьмина, обвиняемого по 1-й части 131 ст. Уг. Ул., обвиняются по 1-й ч. 100-й ст. Уг. Ул. и по 279-й 22-й книги Свода воен. постановлений, как мятежники, поднявшие восстание с оружием в руках,

с целью учреждения в России демократической республики и с целью ниспровержения ее образа правления, установленного основными законами. В виду тяжести этого обвинения они все за исключением Косьмина, должны быть заключены под стражу.

— Старшой! — вызвал Лопатин конвойного фельдфебеля. — Поставь стражу и никого не выпускай! — хотя стража уже и так давно окружала с шашками наголо весь зал. Момент был тяжелый, удручающий, но большинство подсудимых и после этого не могли расстаться с представлением, будто над ними происходил суд, а не простая расправа с целью террора, едва прикрытая формами военно-судебного процесса. Большинство из них не поверили в серьезность своего положения и отнеслись к внезапному аресту, как к тяжелой, жестокой формальности, которую необходимо претерпеть.

В городе новая квалификация обвинения по «висельным» статьям и арест всех подсудимых произвел совсем другое впечатление. Все поняли, что кошмар смертных казней с этого момента навис над подсудимыми. Стало ясно, что конспирировали и скрывали предложение главного военного суда только затем, чтобы обвиняемые не разбежались. Им устроили западню, в которой их и захлопнули.

★

VII. Суд и приговор

Нечто совершенно исключительное представляла та внешняя обстановка и то помещение, в котором происходили судебные заседания по этому делу: оно слушалось в Екатеринославе, в помещении исправительных арестантских рот, но в нем не нашлось ни одной большой камеры, в которой можно было бы разместить 131 подсудимого с усиленным конвоем, состав суда, защиту, прокуроров, секретарей и допрашивать около 2.000 свидетелей. Единственный большой зал представляла тюремная церковь. В ней наскоро отделили перегородкой из досок алтарь от помещения для молящихся, а из последнего удалили все предметы культа. Таким образом суд заседал, собственно, в церкви и здесь же об'явил свой приговор с массовыми казнями.

«За несколько дней до начала сессии суда, — писал начальник губернского жандармского управления полковник Шредель, — а также 7 сего ноября стали поступать сведения о том, что революционные организации подготовляют нападение на конвой, сопровождающий арестантов из тюрь-

мы в исправительное отделение и обратно, для чего будто бы заготовлена большая сумма денег (до 28.000 руб.) и штатское платье. Меры предосторожности приняты, конвой достаточно надежен и силен, привод и отвод арестантов будет происходить засветло».

Кого дурачил Шредель — себя ли самого, департамент ли полиции или военный суд, который во главе с Лопатиным необычайно легко верил этим слухам — неизвестно, но надо сказать, что цель — терроризовать суд всеми этими мерами предосторожности — была достигнута.

Когда судьи проходили через тюремную площадь, конные стражники далеко оттесняли толпу родственников — жен, сестер, матерей, невест и знакомых, — которые ежедневно с раннего утра дежурили за воротами арестантских рот в ожидании привода и отвода подсудимых.

В таком состоянии постоянных опасений нападения и страха Лопатин пребывал в течение всего времени суда. Это настроение в нем сменялось только рассчитанной и спокойной жестокостью, с которой он выпытывал у подсудимых признания. Его состояние в значительной степени сообщилось остальным судьям, — строевым полковникам, временным членам суда.

Первые дни суда заняли допрос подсудимых и перекличка свидетелей. Их было так много, что они были собраны на дворе, толпою до двух тысяч человек.

Затем началось чтение обвинительного акта, об'емом в 114 страниц. Оно заняло целиком два судебных заседания и навело на всех томительную и нудную скуку. Едва закончилось чтение, как встал подполковник Филимонов и сделал, как описано уже выше, свое заявление.

Хотя все ожидали, по слухам, что обвинение будет изменено, но в суде это произвело прямо ошеломляющее впечатление. Это был первый момент в деле, когда все почувствовали ужас надвигавшихся казней. Защита тотчас же заявила самый энергичный и обстоятельно мотивированный протест, который был обоснован настолько бесспорно с точки зрения процессуальных законов, что даже полковник Шредель донес департаменту полиции, что «защита с формальной стороны будет права».

Дальше суд перешел к опросу подсудимых о том, признают ли они себя виновными. Лопатин выкликивал фамилии и все по очереди на разные голоса отвечали ему:

— Не признаю; нет, не признаю.

Некоторые пытались тут же давать об'яснения и оправдываться. Лопатин обрывал их и заявлял:

— Успеете, у вас будет для этого свое время.

Затем началось, так называемое, судебное следствие.

Свидетели были разделены по станциям, и для каждой группы Лопатин точно определил время явки на допрос. Процесс начался 7 ноября, а допрос свидетелей, по расчету суда, должен был

2444—6

закончиться и действительно закончился к 12 декабря. Внешний порядок был налажен, можно сказать, образцово. Все происходило точно по-военному, в указанное время, и Лопатин сердился, если происходили какие-нибудь нарушения.

Почти все свидетели, не исключая крупных должностных лиц и даже некоторых чинов наружной полиции, давали показания более или менее об'ективно и в большинстве случаев в пользу подсудимых, а при щекотливых вопросах обычно отзывались «запамятованием». Ни прокурорам, ни Лопатину никакими напоминаниями не удавалось добыть от некоторых из них нужные им улики против отдельных подсудимых. Когда так вели себя свидетели — городовые, околоточные, пристава или жандармские унтер-офицеры и ротмистры железнодорожных отделений, это доводило Лопатина до бешенства.

Но в большинстве случаев свидетели не смущались его окриками (вероятно, вообще привычные к крикам начальства) и обычно, более или менее ловко, уклонялись от дачи показаний, уличающих подсудимых.

Лопатин и судьи приписывали такое поведение свидетелей тому, что они терроризованы. Тут надо вспомнить, что полковник Шредель доносил департаменту полиции, будто найдены были прокламации, в которых содержался призыв уничтожить всех свидетелей по этому делу. Этой прокламации он не приложил к донесению. Вероятнее всего, что ее никогда не было, а если она и была, то, оче-

видно, носила провокационный характер. В действительности, конечно, свидетелей никто не запугивал. Вся их масса была подавлена обстановкой суда, искренно сочувствовала подсудимым и негодовала на суд, поставивший последних под угрозу смертной казни. При таком противоположном отношении к делу свидетелей и суда, каждое слово, каждый жест свидетеля встречал недоверие.

В такой атмосфере велось все судебное следствие, допрашивались сотни свидетелей в течение шести недель, и, чем дальше шло дело, тем создавался все больший и больший сумбур вокруг событий. Никакого истинного освещения их установить уже не было возможности. Только время и утомление судей, прокуроров, подсудимых и защиты вносили более спокойную струю. В такие моменты вдруг все замирало. Свидетели что-то бормотали, судьи и Лопатин их не слушали. Прокуроры и защита о чем-то спрашивали свидетелей. Но все их показания протекали мимо, как вода.

Когда защитники, пытаясь оттенить те или другие факты, удостоверенные свидетелями, подчеркивали их и обращали на них внимание суда, Лопатин махал рукой и говорил, что суд все видит и все слышит.

Так длилось судебное следствие изо дня в день больше месяца, с 10 часов утра до сумерек, не внося никакой ясности в дело. Закончилось оно к 12 декабря. С этого дня начались «прения сторон».

Первым говорил прокурор подполковник Филимонов. Его речь резала ухо своим противоречием правде и злобно-радостным тоном. Филимонов уверенно тащил всех 130 подсудимых на виселицу. Он выступал, как человек, заранее торжествовавший свою победу, и успел убедить судей в том, что если они приговорят к казням, то это будет сделано ими по закону, и начальство ждет от них такого приговора. Он обращался к судьям, как к победителям революционного движения 1905 г. и требовал от них и «суда победителей».

Вторым говорил помощник прокурора шт.-капитан Шевяков. Он разбирал фактические улики, имевшиеся против отдельных подсудимых.

Хотя при всей тщательности и чиновничьей добросовестности шт.-капитана Шевякова против некоторых подсудимых у него не находилось никаких улик, он все-таки не счел себя вправе отказываться от обвинения ни одного из них. В обвинительном акте не было с его точки зрения ни преувеличений, ни ошибок. Наоборот, он казался ему составленным слишком мягко, хотя автором был он сам.

Когда Шевяков закончил свою речь, суд об'явил перерыв до следующего дня.

13 декабря с утра начались речи 12 защитников. Они с перерывами говорили свои речи до 17 декабря, т. е. 4 дня. При самых благоприятных условиях, при самых хороших слушателях, как бы ни были искусны ораторы, они не могут заставить слушать себя такой долгий срок при условии, что тема не меняется. А здесь перед защитой в лице

судей сидели люди, которые просто не желали их слушать. Лопатину слово, произносимое со скамей защиты, казалось лишним, затягивавшим заседание и мешавшим правосудию. Он нервно дергал свои усы и все время старался поймать какое-нибудь неосторожное выражение, чтобы оборвать защитника.

И все-таки, несмотря ни на что, адвокаты продолжали борьбу за каждого из своих подзащитных, стараясь вытащить их на свободу.

И судьи, строевые полковники, менее предубежденные, чем Лопатин, не раз под натиском их сдавались. Случалось, что и сам Лопатин увлекался и слушал. Но это продолжалось не долго. Он вдруг спохватывался и с досадой на себя еще резче обрывал защитника.

Защита совершенно непререкаемо установила, что события в действительности носили стихийный характер и не были об'единены общим руководством, несмотря на наличие многочисленных боевых стачечных комитетов. В них все было случайным плодом каждого данного момента, в каждом данном месте. А в общей своей совокупности они были результатом движения, охватившего всю страну, а не продуктом злой воли подсудимых, с которыми расправлялись через три года.

Утром 17 декабря подсудимых ввели в зал и рассадили в порядке их списка в обвинительном акте. Многие совсем не спали ночь, и их лица были особенно бледны.

— Суд идет! — прокричал дежурный подпоручик.

— Суд переходит к последнему слову подсудимых, — об'явил Лопатин, заняв место за красным столом, радостным и ясным голосом, как будто сообщая им приятную новость. Затем он опустил глаза в списки и начал выкликать:

— Подсудимый (такой-то), вам по закону принадлежит последнее слово. Говорите, что вы можете сказать в свое оправдание. — И он отвертывался к окнам и расправлял усы, как бы говоря этим жестом, что все равно, что ни говори, он слушать не будет. Ему и так все известно.

— Ну, что же вы молчите, — бросал он через минуту замешкавшемуся подсудимому. — Говорите же, наконец! Закон предоставляет вам право последнего слова. Пользуйтесь им.

Когда первый, вызванный, таким образом подсудимый двинулся было от скамей к судейскому столу, Лопатин приказал ему оставаться на месте.

— Мы услышим вас и оттуда, — заявил он.

Подсудимый смутился, замялся, сказал несколько слов, неясных и неопределенных. Помолчал. Затем хотел было сказать что-то еще, но Лопатин не стал ждать, посадил его и вызвал следующего. И следующий подсудимый, и многие другие, по инстинктивному стремлению как-то выделить себя из общей массы 131 человека, сидевших на скамьях и загораживавших от суда друг друга, двигались было вперед к судейскому столу, но Лопатин упорно не хотел допускать такого беспорядка.

Очень редко, кто из подсудимых мог в такой обстановке говорить о своем положении в деле, разбирать улики, приводить новые факты.

— Скажите что-нибудь новое, — язвительно говорил Лопатин, и если подсудимый молчал, то он торопился посадить его, и вызывал следующего.

Некоторые подсудимые в последний день судебного следствия представили суду одобрительные удостоверения от своего железнодорожного начальства, а некоторые имели даже письменные благодарности за охрану ими станции и грузов во время декабрьской забастовки, когда полицейская охрана отсутствовала.

Когда подсудимые в последнем слове ссылались на них, Лопатин заявлял:

— Вот за это-то мы вас и судим: сначала охраняли, а потом охрану обратили в боевую дружину.

И, срезанный такой репликой, подсудимый уже ничего не находя для своего последнего слова, садился.

После нескольких таких опытов большинство уже не решилось высказать перед судом в свою защиту то, что было продумано много раз за полтора месяца судебной процедуры.

Только несколько человек из тех, которые потом были казнены, твердо заявили, что они не хотят защищаться и не признают этого суда, но по общему соглашению речей не произносили.

Наконец, раздалось в зале еще несколько отзывов: — Не имею — или — нет, не имею,—и последнее слово подсудимых было быстро закончено.

Лопатин об'явил, что суд удаляется для постановки приговора. Это было 18 декабря, днем. Подсудимых обычным порядком увели в тюрьму, а судьи остались совещаться в помещении арестантских рот. На следующий день под вечер подсудимых, скованных попарно наручниками, привели в суд для выслушания приговора.

Судьи отнеслись к рассматриваемому ими делу очень просто. Если сопоставить, сколько приговорено было к повешению, сколько к каторге и сколько оправдано, то станет ясным, что они отнеслись к делу, как к простейшей арифметической задаче: из 131 человека они решили сначала приблизительно одну треть оправдать, одну треть приговорить к смертной казни и одну треть приговорить к разным срокам каторги. После этого задача судей очень упростилась: надо было только установить общие признаки, которые давали бы повод зачислить отдельных подсудимых в ту или другую категорию.

Не вина суда, если среди 44 приговоренных по ст. 100, совершеннолетних было 32 человека, которые и получили в окончательном выводе смертную казнь, а 12 оказались имевшими в декабре 1905 г. возраст от 17 до 21 года; к ним по 100 ст. никак нельзя было применить казни через повешение, и пришлось их перевести в категорию получивших каторгу.

Характерно в этом приговоре и распределение на категории приговоренных к каторге: на 8 лет — 6 человек, на 6 лет — 12 человек и на 4 года — 25.

Ясно, что эти цифры получены умножением каждой предыдущей цифры на два.

Если результаты этих арифметических действий суда не совсем точны и расходятся на один-два человека, то это естественно, так как цифра 131 на 3 не делится, а затем нужно же было немного и замаскировать простоту этого приема.

Надо, однако, сказать, что судьи не были в этом случае оригинальными. Это был обычный прием в массовых судебных процессах.

★

VIII. После суда.

Впечатление от приговора во всем городе было потрясающее, и надо сказать, совсем не то, на которое рассчитывали власти. Вместо страха и трепета люди негодовали, ужаснувшись откровенной жестокости, в которой в окончательном итоге, не оказалось и политического смысла.

В государственную думу был внесен запрос правительству. Его энергично поддержала вся оппозиция и с.-д. Правые и октябристы отклонили его. Тем не менее лидеры октябристов М. В. Родзянко и П. В. Каменский, бывшие депутатами от Екатеринославской губернии и прекрасно знавшие обстоятельства дела и несправедливость приговора, стали хлопотать об облегчении участи осужденных. По их настоянию телеграмма подсудимых с ходатайством о помиловании была спешно доложена Николаю II, и в день нового года он положил резолюцию: «Даровать жизнь, смягчить участь». Потом вслед за поступлением кассационной жалобы в главный военный суд,

они подали Столыпину особую докладную записку, в которой говорилось:

«Чрезвычайно неблагоприятные общие условия судебного процесса, длившегося 1½ месяца, обилие материалов, заключавшихся в 30 томах следственного производства и свыше тысячи допрошенных на суде свидетелей, разбросанность событий, подлежавших обследованию суда, по отдельным станциям и группам лиц, ничем между собою не связанным, и, наконец, самое ведение дела через три года, когда большинство свидетелей перезабыло подробности событий декабря 1905 года, не дало возможности суду вынести приговор, отвечающий справедливости и действительной виновности отдельных лиц. Представляя при сем список лиц, по отношению к которым обвинительный приговор менее всего отвечает справедливости и действительной виновности, мы ходатайствуем о немедленном освобождении их с отдачей под надзор полиции, под залог или поручительство».

В результате этих хлопот несколько отдельных лиц из числа приговоренных к каторге были освобождены под залог.

После подачи кассационной жалобы дело было переслано в главный военный суд и там вылеживалось несколько месяцев, пока не улеглось впечатление от приговора. Вопреки обычной практике, по которой кассационные жалобы в главном военном суде по делам, рассматривавшимся по законам военного времени, разрешались в течение

нескольких дней, это дело покоилось в канцелярии главного военного суда в Петербурге до наступления думских каникул, т. е. того глухого летнего времени, когда к этому забытому делу не было никакой возможности привлечь внимание высоких и влиятельных сфер.

Наконец, совершенно неожиданно, 28 мая главный военный суд рассмотрел кассационные жалобы осужденных и оставил их без последствий, и тотчас же отослал дело командующему войсками округа барону Каульбарсу для конфирмации приговора.

Каульбарс потребовал, чтобы ему в помощь был командирован генерал Лопатин, который к этому моменту в виде повышения был переведен в Московский военно-окружный суд. Таким образом, «даровать жизнь и смягчить участь», согласно высочайшей резолюции, должны были те же самые люди, по воле которых весь этот процесс был обращен в сплошной ужас.

В июле 1909 г. Каульбарс представил Столыпину проект конфирмации, по которому смертная казнь заменялась каторжными работами всем приговоренным к смертной казни, за исключением восьми человек, «не обращавшихся к милосердию монарха». Это были: 1. Митусов, Илья. 2. Григорашенко, Василий. 3. Зубарев, Александр, он же Марк Кузнецов, 4. Ткаченко-Петренко, Григорий, 5. Щербаков, Андрей, 6. Ващаев, Андрей, 7. Шмуйлович, Владимир, 8. Бабич, Петр.

Отвечая Каульбарсу, Столыпин 19 июля телеграфировал: «Не встречаю препятствий к замене смертной казни указанным в списке лицам в предположенном размере». В ночь на 4 сентября того же года 8 перечисленных выше лиц были повешены в пожарном сарае одной из полицейских частей Екатеринослава. Так погибли они, несмотря на обещание Николая II, что никто по этому делу казнен не будет.

★

Оглавление.

		Стр.
I.	Общая картина событий	7
II.	События в Екатеринославе	20
III.	События на станции и в поселке Гришино . . .	29
IV.	События на станции и в поселке Горловка . .	49
V.	Горловский бой	60
VI.	После восстания	69
VII.	Суд и приговор	79
VIII.	После суда	90

ПОГАШЕНО

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Открыта подписка на **1929** год

„Научно-популярная библиотека“

26 книг, каждая по 4 печатных листа.

Годовая подписка (26 книг) . . . . . 9 рублей
Полугодовая (13 книг) . . . . . 5 рублей

В „Научно-Популярную Библиотеку“ войдут в 1929 г. следующие книги:

№ 1. **Руднев, В.**—Аграрное движение накануне 1-ой революции.
№ 2. **Анисимов, С.**—Восстание в Донбассе.
№ 3. **Клевенский, М.**—А. И. Худяков.
№ 4. **Лившиц, С.**—Партийные Университеты подполья.
№ 5. **Кункль, А.**—Покушение Соловьева.
№ 6. **Лившиц, С.**—Подпольная техника.
№ 7. **Левин, Ш.**—Д. Клеменц.
№ 8. **Чернов, С.**—После декабристов.
№ 9. **Валк, С.**—„Народная Воля“.
№ 10. **Кордес.**—Вера Засулич.
№ 11. **Эггерт.**—В. Осинский.
№ 12. **Милованов.**—Рабочее Знамя.
№ 13. **Левицкий.**—В. Обнорский.
№ 14. **Иков, В.**—Добролюбов, как революционер.
№ 15. **Горбунов, М.**—Журналистика „Народной Воли“.
№ 16. **Баум, Я.** Лизогуб.

и другие.

Заказы и деньги адресовать:
Москва-34, Лопухинский пер., д. 5

Издательству Политкаторжан.

5-й год издания

Открыта подписка на 1929 год

5-й год издания

на „ДЕШЕВУЮ БИБЛИОТЕКУ“

Издательства Общества Политкаторжан,
состоящую из 52 номеров, размером каждый в 1 печатный лист.

Подписная плата на 1 год (52 номера) — 4 р. 50 к.

В состав библиотеки войдут следующие брошюры:

№ 1-2 **Корнилова-Мороз.** Перовская и кружок Чайковцев.
№ 3 **Ергина.**—С. А. Иванова-Борейшо.
№ 4 **Анисимов.**—Повстанец.
№ 5-6 **Ермаков.**—На Сахалинской каторге.
№ 7-8 **Дружинина.**—Ювеналий Мельников.
№ 9-10 **Сажин.** Воспоминания о Парижской коммуне.
№ 11-12 **Лужаев.**—История одного литейщика.
№ 13 **Тригони.**—Алексеевский равелин.
№ 14-15 **Сушкин, Г.**—По этапам.
№ 16-17 **Сушкин, Г.**—В царской ссылке.
№ 18 **Ефремов.**—Маленькое дело.
№ 19 **Анисимов.**—Судья Столыпинск. врем.
№ 20-21 **Самсонов, М.**—Коммуны ссыльных.
№ 22 **Венедиктов, Д.**—Лисий-Нос—лобное место росс. революции.
№ 23 **Анисимов.**—Крестьяне и помещики на суде.
№ 24 **Лурье.**—Биограф. Курантовского.
№ 25-26 **Лурье.**—Два протеста.
№ 27 **Лужаев.**—Крестьяне в 1905.

Заказы и деньги адресовать:
Москва-34, Лопухинский пер., д. 5
Издательству Политкаторжан.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА